СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ

АЛЕКСАНДР ЧЕРКАС

КНИГА 1

18+

Александр Черкас

Семьдесят третий

«Автор»

2026

Черкас А. В.

Семьдесят третий / А. В. Черкас — «Автор», 2026

В Бездне у человека нет имени. Только инвентарный номер и клеймо, выжженное на коже. Собственный отец-чернокнижник посчитал меня «бракованной деталью» и продал в армию демонов за три паршивых арбалета. Мой удел — сгнить в лагерной грязи, где демоны-ветераны не знают жалости. Ты либо полезен, либо ты мясо. У меня отобрали всё. Теперь я просто номер — Семьдесят третий. Чтобы не пойти под нож, пришлось вцепиться зубами в жесткие армейские правила и доказать, что моя голова варит точнее, чем топоры надсмотрщиков. На мое место могут поставить любого, здесь нет незаменимых. Но есть вещи, которые не продаются за арбалеты. Например, холодная, концентрированная злоба и умение выживать там, где кадровые вояки умываются кровью. Пока мои расчеты работают — я живу. Правила игры здесь меняются слишком быстро, а цена любой осечки — плаха. Посмотрим, кто промахнется первым.

© Черкас А. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 16
Глава 4 22
Глава 5 27
Глава 6 32
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Александр Черкас
Семьдесят третий

Глава 1

В кабинете отца всегда было слишком жарко. Жар шёл от жаровен, в которых вечно что-то булькало, и этот запах варева впитывался во всё: в занавески, в пергамент, в мою кожу.

Отец сидел за столом и пересчитывал металлические жетоны. Это были «души» — единственная валюта для сделок в Преисподней. Он не смотрел на меня, пока не закончил счёт.

— Лорд расширяет обоз, — сказал он, аккуратно складывая жетоны в кожаный мешочек. — Им нужны люди, которые не путают право и лево и могут прочитать приказ без запинки.

— В Легион? — Я пытался придать мужественности голосу.

— Да. Там из тебя сделают человека. Или мясо. В любом случае здесь ты только переводишь бумагу и еду. — Он наконец поднял глаза — обычные, уставшие от бытовых проблем глаза. — В полдень придёт сержант из службы снабжения. За тебя дадут арбалеты для охраны поместья. Это честная сделка.

Он подвинул ко мне пустой лист и перо.

— Заполняй бланк. Пиши: имя, возраст, Дом.

У меня болела шея — вчера мачеха заставила меня несколько часов переписывать нудный трактат о строении печени инкуба. Пальцы всё ещё были в чернильных пятнах. Вывел, стараясь, первую букву. Знал: если капну кляксу на чистый лист, отец даст затрещину.

Чернила были густыми, дорогими, они охотно ложились на грубую бумагу.

— Возраст: восемнадцать, — продиктовал я сам себе.

— Допиши: «Передаётся в распоряжение инженерной службы восьмого легиона в счёт уплаты за три тяжёлых арбалета», — добавил отец. Он отложил жетоны и посмотрел на лист. — Пиши разборчиво. Если интендант не сможет прочитать твоё имя, он решит, что я подсунул ему неграмотное мясо. А я не люблю, когда мою репутацию ставят под сомнение.

Каждое слово ложилось на бумагу как гвоздь. «В счёт уплаты». «Три арбалета».

— Готово, — я отложил перо. Кончик его окончательно расщепился, оставив в конце крошечную кляксу.

Отец подошёл, взял лист за край и подул на чернила. Запах его дыхания — горькие травы и застарелая магия — на мгновение заполнил всё пространство.

— Иди, собери вещи. И не забудь записи по механике. В обозе любят тех, кто понимает, почему колесо крутится, а не просто воет от страха.

У самой двери я остановился.

— Отец?

Он уже снова потянулся к своим жетонам.

— М-м?

— Спасибо, что дал мне шанс и не отправил в шахты.

Он сухо усмехнулся, не поднимая головы.

— Твоя ценность для меня закончилась в ту секунду, когда ты не прошёл инициализацию. А легион просто заплатил за тебя больше. Ступай.

В коридоре было прохладнее, а в ушах всё ещё стоял звон монет. Я посмотрел на свои руки — глубоко въевшиеся чернильные пятна казались несмываемыми. Сделка была закрыта. Я больше не был сыном, но мне повезло в отличие от других. На серных шахтах надсмотрщики жили ненамного дольше рабов.

Я шёл к себе в каморку, и звук собственных шагов казался мне чужим. В ней воняло пылью и кислым тряпьём. Я упал на свой грязный матрас, набитый соломой, и так и лежал несколько часов без движения, впитывая запахи дома и вслушиваясь в суету за мутным пузырём маленького окна. Мыслей не осталось в голове. Только пустота.

В дверь постучал управляющий и произнёс: — Пора.

Я поднялся, сгрёб вещи в мешок: тунику, сменные сандалии и пачку исписанных листов — и тяжёлой походкой вышел во двор, к воротам поместья.

Солнце (если это можно было так назвать — то тусклое багровое марево над горизонтом) ударило мне в глаза. Пыль от копыт и колёс на тракте уже стояла столбом.

Я хорошо помню этот момент у ворот. Там уже стояла огромная телега, запряжённая парой тяжёлых, хрипящих зверей. А рядом с ней — мачеха и сержант.

Он не был похож на тех холёных демонов из высших кругов, которых я видел в гостях у отца. Он был... другим. Весь в шрамах, в кожаном доспехе, который лоснился от жира и гари.

Мачеха швырнула мне свёрток: — Поменяй свои лохмотья. К Дому Чёрного Пламени не должно быть вопросов даже тогда, когда он избавляется от мусора.

Демон посмотрел на мой мешок и прохрипел: — Так это ты то «грамотное мясо», за которое интендант отдал лучшие арбалеты?

Я хотел было что-то ответить, но он просто указал пальцем на заднюю часть телеги: — Залезай. И запомни, что ты семьдесят третий по списку.

Управляющий закрыл ворота. Сухой щелчок засова.

Мы ехали по каменистой тропе.

— Слушай сюда, пацан. В Легионе ты — деталь. Если деталь скрипит — её смазывают маслом. Если ломается — выкидывают. Понял?

— Понял. А где масло брать?

Сержант остановился и посмотрел на меня.

— Масло надо воровать, малец. Или заслуживать. Умники вроде тебя меняют его на расчёты. Или на молчание. Инженерная служба — это тебе не стишки писать. Там за ошибку в расчётах могут и в корзину вместо камня посадить.

Он заржал собственной шутке, и от него пахнуло чесноком так сильно, что у меня заслезились глаза.

Я обернулся назад. Поместье отца уже скрылось за поворотом. Странно, но я не чувствовал обиды. Только холод. Сделка есть сделка. Отец получил свои три арбалета, а я я получил шанс не сдохнуть в рабском ошейнике.

Через час мы вышли к портальной площадке. Сборный пункт легиона. Среди телег и разобранных катапульт бродили такие же, как я, — новобранцы.

Сержант привёл меня к длинному столу, за которым сидел бес с недовольным лицом, и произнёс: — Семьдесят третий. В осадный парк.

— Покажи руки.

Я вытянул ладони. Бес схватил их и грубо перевернул.

— Мозоли от пера. Тьфу. Ничего, через месяц от рычага онагра кожа станет как подошва. В инженерную службу, к баллистам.

Бес макнул перо в чернильницу, сверился со списком и указал когтем на одну из повозок, гружённую воротами и лебёдками: — Семьдесят третий, твоё место — у этой телеги. Стой здесь и не отсвечивай.

Я привалился к тяжёлому колесу, стараясь уйти в тень, и украдкой осмотрел площадь. Она напоминала гигантскую воронку, вырезанную в чёрном базальте. Ступени уходили вниз, к самому центру, где дрожал Портал — вертикальный разлом, источающий холодное белое гудение. Тысячи легионеров в чёрной стали, рабы, тяжёлые обозы — всё это поглощала сияющая пустота. Ритм марша — грохот тысяч сапог — сливался в низкочастотный гул, от кото-

рого дрожали зубы. Прямо над моей головой нависала стальная станина онагра, похожая на костлявую лапу монстра.

— Смотри на небо, малой, — раздался сухой голос.

Из тени колеса отделился тощий инкуб. Он казался вырезанным из той же пыли и копоти, что покрывала всё вокруг.

— Сейчас выйдет Хозяин. Закрой глаза, а то ослепнешь. И не упади — сломаешь позвоночник. — Заржал он, глядя на меня.

В ту же секунду над площадью нависла тень. Небо стало плотным, как остывающий металл. Падший проявился в воздухе, вскрывая пространство своим присутствием. Доспехи из застывшей нефти поглощали свет. Тысячи солдат ударили копьями о щиты — взрывной звук едва не вывернул мне внутренности. Падший указал мечом на Портал, и гул разлома перерос в невыносимый вой.

В этой тьме какой-то рекрут-демон из низших, обезумев от адреналина, попытался столкнуть меня с платформы под колёса. Моя рука сама нащупала на станине тяжёлое свинцовое грузило. Коротким, резким движением я вогнал свинец в коленную чашечку твари. Сухой хруст потонул в рёве толпы. Демон повалился назад, а инкуб коротко усмехнулся: — Добро пожаловать в Восьмой легион, Семьдесят третий.

Телега дёрнулась. Нас втянуло в белый зев Портала. Вспышка боли, ощущение, что кожу содрали и надели задом наперёд, вкус меди во рту.

Через мгновение я выплюнул серую пыль на камни. Над нами простиралось багровое небо. Пепельная равнина. Тыл земель лорда Гаапа. Место, где моя жизнь теперь стоила ровно столько, сколько было указано в реестрах.

Весь борт телеги был покрыт серым инеем. На глазах он превращался в склизкий налёт — «осадок» портала. Я попытался подняться, но пальцы онемели. Я начал тереть их друг о друга. Сухое шуршание кожи о кожу было единственным живым звуком в этой тишине.

— Семьдесят третий! — Сержант пнул меня в бедро. — Глянь на колесо.

Я заставил себя сфокусировать взгляд. Ступица была цела, но одна из спиц превратилась в серый порошок. Я коснулся дерева — оно осыпалось, как пепел из остывшего костра. Магия выжгла время в древесине за секунду перехода.

— Не стой как баран, — буркнул он. — Бери нож и иди к той груде обломков у стены казармы. Ищи дуб. Если найдёшь что-то целое — тащи. Не найдёшь — будешь спать привязанным к оси вместо колеса.

Я поплёлся к свалке. В голове всё ещё стоял низкочастотный звон, давивший на барабанные перепонки. Я разгребал гнилое тряпьё и куски ржавого железа, пока пальцы не наткнулись на что-то гладкое и холодное.

Это была кость. Массивная, серая от пыли. Я вытянул её из-под обломков оси. Следом выкатилось что-то ещё — крохотная деревянная лошадка. Грубая работа, обломанный хвост. Она пахла сухой сосной и старой столярной мастерской.

Я быстро сунул игрушку за пазуху. Колючая щепа царапнула кожу под рубахой.

— Нашёл! — крикнул я, вытаскивая кость.

Я начал соскребать ножом остатки засохшего сухожилия с сустава, чтобы кость влезла в паз ступицы.

Сержант подошёл и выхватил добычу. Взвесил на ладони.

— Бедренная кость марабута. Крепкая дрянь.

Он швырнул мне потемневший кожаный бурдюк. Тот был горячим и вонял прогорклым жиром.

— На. Это варёные жилы гончих. Пока тёплые — тянутся. Как остынут — сожмут твою кость так, что хрен отдерешь.

Я вытащил из бурдюка длинную желтоватую полосу. Она была склизкой и обжигала пальцы.

— Работаем, семьдесят третий. Я держу обод, ты мотаешь. Если натяг будет слабым — на первом же ухабе кость вылетит.

Мы возились два часа. Мне приходилось наматывать жилы восьмёркой, пропуская их через разбитые пазы ступицы и обхватывая кость. Пальцы покрылись липким, быстро застывающим жиром. Мозоли от пера лопнули, и свежая кровь смешалась с жёлтой смазкой.

— Туже! — рычал сержант. — Тяни, сучий потрох!

Когда последняя петля была затянута, сержант вытащил из телеги дубовый клин, обёрнутый в свинцовую фольгу — единственную защиту от портального тлена. Смазав его густым дёгтем, он привычным ударом вогнал дерево в паз, окончательно фиксируя кость в ступице.

— Всё. Остынет — хрен раздерешь.

Я сел на корточки, вытирая пальцы о солому. Жилы подсыхали, стягиваясь с тихим скрипом. Кость сидела намертво, словно всегда была частью этого колеса.

— Замотай тряпкой, не пачкай жилы, — бросил он, даже не взглянув на мясо под содранными мозолями моих ладоней, и проорал всем новичкам: — Все идут за мной!

И зашагал в сторону казармы.

Он завёл нас в блок. В нос резко ударил запах несвежего пота.

— Это казарма основного состава. Новички — в левое крыло.

Зал был разделён пополам. На нарах ветеранов лежали трофеи: ковры из человеческих миров, меховые накидки, гравированные доспехи. Моё место оказалось в левом крыле — голые доски и свежий соломенный матрас. Каждому полагалось тяжёлое одеяло и личный сундук с мощным железным засовом.

Сержант прошёл вдоль строя, швыряя комплекты: — Миска, ложка, одежда. Казённое. Потеряете — выпорю. Продадите — убью. Свободны.

Я начал раскладывать вещи, когда рядом возникла тень. Старый демон со шрамом на бедре навис надо мной, загораживая свет ламп.

— Слышь, малой, — прохрипел он. — Вижу, ты домашний, чистенький. Давай заначки из дома выкладывай. Если хочешь жить нормально, то надо поделиться.

Он грубо толкнул меня плечом и потянулся к сундуку. С соседних нар лениво наблюдал однорукий.

— Хромой, завязывай, — бросил он, не вставая. — Сержант за любой кипиш нас всех на плацу до полуночи гноить будет. Отойди от мелкого, пока нам из-за тебя не прилетело.

Хромой дёрнулся, в глазах вспыхнула ярость.

— Завали пасть, чёрт! Сам знаю, что делать. А ты смотри, как бы сам по роже не получил.

Он демонстративно отвернулся и сунул пальцы под тяжёлый железный засов, готовясь рвануть крышку вверх.

Я понимал: если позволю этому Хромому запустить лапу в мой сундук, я сдохну быстрее, чем дойду до портала. Здесь нельзя было это просто так оставить.

Как только Хромой приложил усилие, я всем весом навалился на край засова в противоположную сторону. Металл сработал как идеальный рычаг. Сухой хруст костей был слышен в самом дальнем углу казармы.

Хромой взвыл так, что зазвенели миски. Он осел на пол, прижимая к груди раздробленную кисть.

Двери распахнулись, и в блок влетел Сержант.

— Что за вой? Сука, Хромой! Что происходит?

Хромой, скуля и прижимая раздробленные пальцы к груди, ткнул в мою сторону: — Этот мелкий урод... этот щенок мне руку сломал!

Сержант посмотрел на здоровенного демона, потом на меня. Его лицо перекосило, и он зашёлся сухим, лающим хохотом.

— Тебя малец уделал? Оборжаться! Да ты не воин, Хромой, ты дерьмо сраное.

Вся казарма подхватила смех.

— Знаю я тебя, паскуда, — Сержант резко оборвал смех. — Десять нарядов на кухню. Будешь чистить котлы вместе с рабами. Всех предупреждаю: если кто-то к новичкам поживиться полезет — пойдёт к алхимикам на опыты. Им всегда нужно живое мясо. Хромой, бегом к магам-лекарям и на кухню к сержанту Гысу в подчинение. Остальные — выходим строиться на ужин.

Столовая осадного парка была небольшой — техников и инженеров в Легионе берегли больше, чем пушечное мясо из линейной пехоты, поэтому и залы здесь были не такими огромными и гулкими, как у загонщиков или мечников. Пахло тут не только варевом, но и канифолью, кислым металлом и гарью.

Я получил свою порцию и замер. В моей миске лежало настоящее мясо — жёсткое, волокнистое, но жирное — и гора густой каши, от которой шёл пар. Я ел, обжигая язык, и чувствовал странную горечь. В поместье Чёрного Пламени на столах могли стоять изысканные вина и редкие деликатесы для гостей, но «убыточному сыну» всегда доставались объедки со стола мачехи или пустая похлёбка, которую и собакам-то давать было стыдно. Там я был лишним ртом, обузой.

Здесь, в этом суровом железном чреве, мне выдали калории, потому что я был ресурсом. Инструментом, который должен работать. И это осознание — что Легион ценит меня больше, чем родная кровь — ударило в голову сильнее хмеля.

Я лежал на соломе, укрывшись одеялом. В темноте казармы я чувствовал странное спокойствие. Я больше не был «убыточным сыном». Я стал деталью огромного станка Гаапа. Глядя в потолок, я решил: я стану здесь самой незаменимой деталью. Чтобы ни один демон больше не попытался меня унизить.

Глава 2

Утро в нашем блоке началось с пинка в основание нар. Сержант прошёл вдоль ряда, проверяя готовность.

— Семьдесят третий, встать! — рявкнул он. — Пойдёшь в усиление к Ургу. Принимай мелкого,Ург. Пусть учится отличать хлам от металла.

Однорукий ветеран, который пытался заступиться за меня вчера, кивнул, не поднимая глаз: — Пошли, мелкий. Работы много.

Мы спустились в нижние ярусы. Здесь воздух был густым, кислым, пропитанным запахом немытых тел и страха. Я шёл за Ургом по узкому железному настилу над «ямами» — общими загонами.

Снизу, из серой полутьмы, на меня уставились сотни глаз. Я слышал, как мои сапоги чеканят шаг по решётке прямо над их головами. Вчера я сам стоял в очереди на продажу. Сегодня я был для них властью.

Ург остановился у решётки.

— Встать! — Голос ветерана был негромким, но рабы вскочили мгновенно.

Ветеран начал отбор. Он не смотрел в лица, он смотрел на суставы и ширину плеч.

— Ты. Третий справа. Седьмой. Десятый...

Я видел, как меняются те, кого выбрали. Это не была радость. Это был судорожный выдох. Попасть в Осадный парк означало, что тебя не сожрут на алтаре и не бросят под копыта кавалерии для «живого моста».

— Видишь их, мелкий? —Ург ткнул пальцем в сторону дрожащего раба. — Для них мы — боги. В парке они будут чистить сталь и получать две миски баланды. Это рай, пацан. Следи, чтобы они об этом не забывали.

Мы выстроили отобранных рабов в шеренгу и погнали их к ангару. Гул сапог по железным настилам и шарканье босых ног заполняли пространство вокруг.

Ангар встретил нас запахом варёного жира и щёлочи. Огромное пространство было забито скелетами разобранных онагров и баллист.

— Твоя работа, —Ург сунул мне тяжёлый планшет с реестром. — Рабы будут таскать оси к верстакам. Твоя задача — сверять клейма. Каждая деталь имеет номер. Если в описи стоит «8-Б», а они притащили «8-А» — бей в колокол. Ошибёшься, и при первом выстреле онагр разлетится в щепки вместе с тобой.

Я сел на высокий ящик. Рабы потащили тяжёлые станины. А я смотрел, какУрг управляет ими одними жестами, без крика — только сухая дисциплина и страх.

Я соскрёб слой запёкшейся смазки с первой оси, обнажая выбитые на металле цифры: «8-Б-112». Аккуратно поставил галочку в реестре.

К полудню я понял главное: реестр в моих руках был крепче любого щита. Пока я умел читать то, чего не понимали рабы, и считать то, на что не хватало терпения у Урга, я оставался ценным кадром.

Первые две недели пролетели в бешеном темпе. Я вгрызался в работу, обучался на лету и изучал всё, до чего мог дотянуться. Оказалось, что в Осадном парке была своя библиотека — пыльное хранилище чертежей, справочников по сопротивлению материалов и трактатов о магической проводимости металлов. После ужина, когда остальные ветераны резались в кости или дрыхли, я пропадал там. Пока другие чистили клинки, я чистил свои мозги, готовясь к тому, что когда-нибудь реестр в моих руках заменит настоящий рычаг управления.

Через десять дней в блоке снова появился Хромой. Кисть у него была криво замотана грязными бинтами, а от былой спеси не осталось и следа. При каждой встрече он испуганно прятал взгляд, стараясь слиться со стеной, но я кожей чувствовал его ненависть. Он не забыл

хруст своих костей. Он просто затаился, выжидая первой же возможности поквитаться — в суматохе боя или в тёмном углу ангара.

Но времени думать о нём не было. Начались полевые выходы, окончившиеся грандиозными учениями на полигоне.

Испытательный полигон легиона представлял собой гигантскую чашу, засыпанную серым пеплом. Воздух дрожал от жара огромных жаровен: в них прогревали становые жилы онагров, чтобы вернуть сухожилиям упругость.

Здесь я чувствовал себя насекомым среди костей гигантских машин. Ург рычал, проверяя натяжение малых жил, а я подавал ветошь. Однорукий ветеран не считал углы — он щурился на горизонт, чувствуя натяжение металла кожей.

— Подай клин, мелкий. И не стой под рычагом, если не хочешь, чтобы тебя размазало по пеплу.

В перерыве на площадку вышла группа в лазурных плащах. Боевые маги. Среди тяжёлой брони легионеров они выглядели как чужеродные пятна чистого неба. Я замер, узнав знакомый профиль.

— Ила! — крикнул я, прежде чем успел подумать.

Ург уже замахнулся для затрещины, но, увидев лазурный плащ, придержал руку. Ила остановилась. Моя старшая сестра за два года в Легионе изменилась: кожа стала мертвенно-бледной, а в глазах застыло выражение человека, который видел, как распадается материя. На поясе у неё висел короткий жезл, обтянутый кожей крылана.

Она подошла медленно, не обращая внимания на грязь под ногами.

— У тебя всё хорошо? — Я сделал шаг навстречу. Голос подвёл, прозвучав слишком по-детски.

— Моя искра горит ровно, — ответила она. Голос был сухим, лишённым интонаций. — Друг отца в штабе присматривает за моим обучением. А ты?

— Семьдесят третий, — вместо меня ответил Ург, вытирая руки о засаленную робу. — Осадный парк, инженерная служба.

Ила посмотрела на мою грязную рубашку, на лопнувшие мозоли и пятна дёгтя. В её взгляде не было жалости — только холодная констатация факта.

— Теперь я буду за тобой присматривать, Мельхер, — отрезала она. Это имя, моё настоящее имя, прозвучало среди пепла как звук разбитого стекла. — Нас продали и вычеркнули из списков Дома. О нас там больше не говорят. Для них нас обоих нет. Отец получил за меня кучу золотых жетонов, а за тебя — свои арбалеты. Сделка закрыта.

Она коснулась моего плеча. Ладонь была обжигающе горячей — магия внутри неё работала как вечно включённая печь.

— Забудь тепло домашних очагов, брат. Здесь только огонь Легиона. Если ты выживешь среди этих железных костей, я найду способ перевести тебя в штабную канцелярию. Но сначала покажи, что ты стоишь больше, чем дерево, из которого сделаны эти машины.

Ила развернулась, и подол её лазурного плаща взметнул серый пепел. Она уходила к порталам, даже не оглянувшись.

Я смотрел ей вслед. Она была моей кровью, но пахла теперь так же, как этот полигон — озоном, горелой шерстью и силой.

Ург долго стоял молча, сплюнув чёрную слюну в пепел, а потом повернулся ко мне, и в его единственном глазу я прочёл смесь испуга и нового, колючего уважения.

— Нихренища себе расклады... — прохрипел он, вытирая ладонь о штаны. — Так ты, значит, брат Илы? Одной из двадцатки боевых магов Легиона? Тех самых, что выжигают города в одно касание? Ну и дела, малец. В таком случае странно, что батя тебя не в навозную кучу выкинул, а сюда пристроил.

Он хмыкнул, пробуя на вкус моё имя: — Мельхер... Во как. Имя-то какое потешное, как из старой книжки про королей. Был ты у нас просто мелкий, а теперь, значит, Мельхер. Ладно, не дрейфь. Будешь для всех просто Мел. Коротко, звонко и зубы не сломаешь. Считай, это твоё настоящее имя для порядочного легионера. Забудь, кем ты был в своём Доме. Там был Мельхер, а здесь — Мел, деталь осадного парка.

Он снова пнул колесо баллисты, возвращая нас в реальность.

— Хватит сопли жевать. Родство с лазурными плащами — это, конечно, броня, но если ты запорешь наводку, никакая сестра тебя из пасти Падшего не вытащит. Работаем! Плечо к рычагу, Мел!

Я кивнул. Новое имя легло на плечи как влитое, вместе с серой пылью полигона.

— Бери ключ, надо подтянуть стопор. Работаем.

Рог Командующего прервал работу. Он лениво обвёл взглядом полигон.

— Стрелять по доскам — забава для ополченцев, — проскрежетал он. — Раб стоит дешевле дерева, а кричит громче. Экономим материал. Переставьте мишени.

Десятники начали сгонять рабов в кучи. Это больше не были люди, это были «площадные цели». Три группы по десять человек и две — по пятьдесят. Их не связывали: за спинами стояли надсмотрщики с заряженными арбалетами.

Командующий бросил на парапет кошель с серебряными жетонами.

— Тому расчёту, чей камень ляжёт в центр самой большой группы, — жалованье за месяц. Всем. Сейчас.

Я посмотрел в окуляр. В группе из пятидесяти человек я узнал двоих, с которыми неделю назад сверял оси в ангаре. Те же шрамы, та же походка.

Ург рычал мне в самое ухо, обдавая запахом табака и паники: — Считай, Мел! Либо их кости, либо наши спины под плетью. Выбирай!

Пальцы дрожали всего секунду. Я прижал ладонь к холодному планшету. Чтобы выжить, я должен стать частью механизма. Я вычеркнул лица и оставил только координаты.

— Огонь!

Грохот спускаемых рычагов ударил по ушам. Пять камней по полтонны каждый ушли в серое небо. Я не смотрел на полёт. Я слышал только глухой удар. Тех, кого не раздавило сразу, добивали маги.

Я наблюдал со своего яруса. Ила вскинула жезл. Её группа отрабатывала «адское пламя». Белые шары с воем срывались с пальцев, превращая выживших в живые факелы. Я видел её лицо сквозь марево: бледное, застывшее. Магия пожирала тех, чьи номера я только что вычеркнул из реестра.

Интендант подошёл к нашему расчёту и молча отсчитал тяжёлые монеты в мою ладонь. Серебро было тёплым — металл впитал жар полигона, где только что испарились пятьдесят жизней. Я сжал монеты, чувствуя, как грани впиваются в заживающий ожог.

Наставник-маг прошёл мимо, брезгливо прикрыв нос платком: — Соберите свои железки. От вони этого мяса у послушников портится настрой.

Ург вытер единственную руку о чистую ветошь. Он посмотрел на мои пальцы, которые всё ещё судорожно сжимали серебро.

— Не сжимай так сильно, никто не отберёт, Мел, — его голос проскрежетал, как ржавая заслонка. — Металл не замёрзнет. И кровь с него отмоется быстрее, чем ты думаешь.

Я разжал кулак. На ладони остались глубокие вмятины от ребристых краёв монет. Ила уже скрылась за поворотом ангара, её лазурный плащ в последний раз мелькнул среди серых камней.

— Она молодец, —Ург кивнул в сторону порталов. — Быстро поняла: в Легионе ты либо тот, кто направляет огонь, либо тот, кто в нём горит. Третьего не дано.

Он подошёл ближе.

— Думаешь, ты сегодня убил людей? Нет, малец. Ты сегодня купил нам неделю без плети и двойную пайку. Те, в яме... они всё равно были списаны. Мастер Механизмов не любит кормить пустые желудки.

Я промолчал, чувствуя, как под рубахой, прямо у сердца, деревянная лошадка колет кожу острой щепой. Жуткое соседство: в одном кармане — плата за пятьдесят жизней, а за пазухой — осколок детства, который пахнет сосной и столярным клеем. Один предмет делал меня частью машины, другой — напоминал, что я ещё могу чувствовать боль.

— Пошли, Мел, — Ург подтолкнул меня к выходу. — Деньги в сундук, рот на замок. Завтра нам привезут новые оси. А к запаху палёного мяса ты привыкнешь. Все привыкают.

Он пошёл вперёд, тяжело припадая на левую ногу, а я остался на секунду в этой звенящей тишине. Пепел продолжал падать на мои сапоги, укрывая собой всё: и обломки мишеней, и мои новые монеты, и мою старую, изломанную жизнь.

Вечерний развод закончился коротким, сухим объявлением сержанта. Он выплюнул слова, не глядя на строй: — За результативные стрельбища. Третий расчёт осадного парка — увольнительная в город до полуночи.

Ург толкнул меня локтем, вырывая из оцепенения.

— Слышал, Мел? Встряхнись. Пойдём, хватит дышать маслом и гарью. Посмотришь, как живут те, кто не спит в казарме.

Внутри у меня всё сжалось. Здесь, за стальными дверями, мир был понятным: ты — номер, у тебя есть реестр и баллиста. Планшет в руках был моим щитом. А там, за воротами, я становился просто тощим мальничкой в землях, где правят демоны.

— Там я никто, Ург, — тихо сказал я. — В блоке у меня есть место. А там?

— А там у тебя есть серебро в кармане и мундир инженера легиона, — отрезал ветеран, затягивая пояс. — В Легионе ты деталь, а в Омуте ты — покупатель. Это разные виды власти. Привыкай.

Мы подошли к внутренним воротам. Это была массивная пасть из кованого железа, перед которой стояли караульные в тяжёлых кирасах. Ург молча предъявил свою печать. Я вытащил жетон с номером. Караульный поднёс его к самым глазам, пробуя металл на свет. Холодный щелчок оттиска в ведомости — и нас вытолкнули наружу.

Гнилой Омут обрушился на меня всем сразу. Это был хаос, выстроенный на вертикальных скалах. Подвесные мосты качались над пропастями, из которых поднимался белёсый пар. Ульи кварталов лепились друг к другу, как наросты на больном дереве. В нос ударило варево из запахов: тяжёлый дух жареного мяса перемешивался с едкой серой и вонью гниющей органики из сточных желобов.

— Смотри по сторонам, но не пяться, — Ург придвинулся ближе, закрывая меня своим плечом от встречного потока. — В Омуте можно купить бога или продать душу за кружку эля. Но помни — за любое «всё» здесь платят кровью. Держись рядом. Любой, кто выглядит потерянным, тут же становится добычей.

Я инстинктивно прижал локоть к боку. Под рубахой деревянная лошадка уколола кожу. Я боялся выходить не потому, что там не было правил, а потому, что там я снова чувствовал себя мелким пацаном, у которого можно что-то отнять.

— Куда сначала? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал от грохота города.

— Сначала оденем тебя как ветерана, а не как новичка, — Ург свернул в узкий переулок, где над дверями висели связки ржавых подков.

Мы вошли в лавку, где пахло старой кожей и дёгтем. Из темноты выплыл торговец — низший демон с пальцами, похожими на сухие ветки.

— Сапоги, — коротко бросил Ург, кидая на прилавок серебряный жетон. — Крепкие. Чтобы подошва не горела на пепле и не скользила по крови. И плащ. Серый. Чтобы парень слился с любой стеной в этом гадюшнике.

Торговец суетливо выложил товар, но Ург не спешил уходить. Он прищурился, разглядывая узкий ящик за спиной демона.

— И покажи «зубочистку». Ту самую, из переплава тринадцатой когорты. Не дешёвку для рекрутов, а сталь.

Демон нехотя выудил на свет короткий кинжал. Он не блестел — матовое лезвие цвета запёкшейся крови казалось голодным. На гарде чётко виднелось клеймо Легиона, вбитое в металл ещё при закалке в кузнях Бездны.

Ург взял нож, привычно взвесил его на ладони и вдруг резко, с коротким свистом, рубанул воздух. Потом проверил баланс, уперев остриё в кончик своего пальца.

— Баланс завален на волос, — хмуро бросил он торговцу. — Плюс по кромке пошли микротрещины от перекала. Пять медных, не больше.

Демон зашипел, замахал ветвистыми пальцами, клянясь всеми кругами ада, что это сталь из личных запасов Архидемона-Кузнеца. Они торговались минут пять — яростно, со взаимными оскорблениями. В итоге Ург выбил цену, которая заставила торговца буквально позеленеть от злости.

— На, держи, Мел, — Ург протянул мне оружие. — В Омуте это будет твой последний аргумент, если кто-то решит проверить, насколько глубоки твои карманы.

Он выудил из кучи хлама ножны, обтянутые грубой, пупырчатой кожей серого цвета.

— Ножны бери эти — кожа пещерного прыгуна. Тварь мерзкая, но шкура у неё такая, что ни кислота её не берёт, ни сырость. Для баллиста — первое дело. Сталь внутри всегда будет сухой и злой. Привыкай: в нашем деле красота вторична, а функционал — это жизнь.

Я принял кинжал. Рукоять, обмотанная шершавой жилой, легла в ладонь как влитая. Холод металла просочился сквозь кожу, и мне на секунду показалось, что нож легонько вибрирует, словно требуя крови.

Когда мы вышли на улицу, я чувствовал себя иначе. Тяжёлая подошва чеканила шаг по камню, капюшон скрывал лицо, а на поясе, скрытый складками серого плаща, ждал своего часа кусок адской стали в ножнах, пахнущих старым зверем.

Мы дошли до рынка, который располагался на огромном выступе скалы. Здесь не было рядов — только кучи барахла и клетки. В самом центре, под багровым светом портала, стояли люди. У некоторых на плечах виднелись знакомые татуировки — клейма Легиона.

— Видишь этих? — Ург кивнул на мужчину с пустым взглядом, на лбу которого была выжжена цифра. — Дезертиры, которые сбежали или сломались. Теперь это товар. Цена — от двадцати до пятидесяти жетонов. Любой живодёр купит их на органы, а алхимики — для тестов новых ядов.

Я коснулся груди, где под рубахой висел мой жетон. На полигоне он казался мне клеймом раба, но здесь я вдруг понял: этот кусок металла — единственное, что отделяет меня от клетки. Номер — это право не быть съеденным прямо сейчас.

— Пошли, Мел, — Ург дёрнул меня за рукав. — Нечего на них смотреть. Сегодня ты покупатель, завтра — лот. В Преисподней всё меняется быстро.

Мы свернули в тупик и вошли в таверну. Внутри было не продохнуть от сизого дыма. Повсюду стоял гомон — низшие демоны-возчики орали на своём наречии, а солдаты линейной пехоты глухо стучали кубками по столам. Рабыни в серых обносках шныряли между скамьями.

Ург швырнул пару медных жетонов трактирщику — массивному демону с глазами, заплывшими жиром.

— Две порции серой, — бросил ветеран.

Через минуту перед нами шлёпнули две миски с дымящимся варевом. Ург тут же зачерпнул жижу ложкой.

— Ешь, Мел. В казённой баланде больше опилок, чем мяса. Я коплю на настоящую выпивку и на бабу в верхних кварталах. Там серебро решает, сколько у тебя будет зубов к утру. Здесь я трачу только медь и только на еду. Ты тоже будешь копить, парень.

Он поднял глаза, и в них блеснул холод старого солдата.

— Легион даёт тебе крышу над головой и право сдохнуть за Гаапа. Но он не даёт будущего. Будущее ты покупаешь сам. Или воруешь.

После ужина в таверне Ург повёл меня вверх по спиральным улицам, туда, где воздух становился чище, а копоть Гнилого Омута сменялась холодным блеском камня.

— Смотри туда, Мел, — он указал единственной рукой на вершину утёса. — Дворец Падшего. Такой красоты ты, может, больше и не увидишь. Разве что в столице у лорда Гаапа, если когда-нибудь станешь богачом.

Дворец казался вырезанным из единого куска обсидиана. Тонкие шпили пронзали багровое небо, а по фасаду струилось живое серебро, вычерчивая руны, от которых рябило в глазах. Мы стояли поодаль, в тени арки, наблюдая за этим холодным величием, которое никак не вязалось с грязью и вонью нижних кварталов.

Тишину разорвал ритмичный грохот. К воротам дворца, высекая искры из брусчатки, нёсся отряд воинов на Кошмарах. Кони из живой тьмы дышали пламенем, а их копыта оставляли на камне дымящиеся следы.

Во главе скакал Архидемон — шестирукий гигант, чья броня казалась сплавленной с плотью. Рядом с ним, на иссиня-чёрном жеребце, держался Мастер Механизмов. Демон-технократ выглядел жутко: вместо одного глаза — сложная система линз, пульсирующая красным, а пальцы рук заменены тонкими стальными манипуляторами.

Заметив наши нашивки осадного парка, Мастер Механизмов резко осадил Кошмара. Конь встал на дыбы, обдав нас жаром серы. Демон склонился с седла, его линза щёлкнула, фокусируясь на Урге. На его лице промелькнуло удивление, которое тут же сменилось холодным одобрением.

— А-а, помню тебя, однорукий, — проскрежетал Мастер Механизмов. Голос его звучал как скрежет металла о металл. — Сегодня на учениях твой расчёт был лучшим. Редкая точность для такого старья.

Он перевёл взгляд на меня, но в глазах его не было интереса — только расчёт ресурса.

— Но давайте заканчивайте дела и живо в расположение, — отрезал он, выпрямляясь. — Легион снимают. Через три дня мы должны быть на зачистке в мире Йору. Будем снова выжигать паучьи гнёзда во славу Повелителя. Поторопитесь, инженеры. На Йору мне нужны исправные машины, а не пьяные механики.

Архидемон молча махнул рукой, и кортеж скрылся за воротами дворца. Грохот затих так же внезапно, как и начался.

Ург долго смотрел на закрытые ворота, а потом тяжело выдохнул.

— Слышал, Мел? Мир Йору. Мир разумных пауков. Теперь можно забыть про увольнения. Пошли в казарму.

Глава 3

Обратный путь в лагерь прошёл в молчании. Гнилой Омут, ещё час назад казавшийся мне хаосом, теперь выглядел почти уютным по сравнению с тем, что ждало впереди. В Осадном парке вовсю кипела работа, хотя солнце уже давно скрылось за чёрными хребтами. Интендант Чрева, огромный демон с обвисшим животом, лично стоял у ведомостей, довольно потирая руки.

— Наконец-то! — гудел он, оглядывая штабеля заготовленного железа. — А то засиделись в этой дыре. Больше года нормальных дел не было, только инвентаризации да учебные стрельбы. Склады пухнут, отчёты горят! Давай, шевелитесь, скоты!

Рабы, спотыкаясь и роняя скупую слюну от усталости, таскали тяжёлые станины и короба с болтами. Пахло раскалённым металлом и предчувствием большой крови.

Десятник черкнул в ведомости время нашего прибытия и тут же ткнул в меня пальцем: — Мел, не стой столбом! Твой участок — четырнадцать катапульт малого класса. Платформы поданы. Вот тебе двадцать рабов из «свежих», грузи. Не дай бездне, если при прыжке станина соскочит из-за плохого крепежа — лично привяжу тебя вместо стопора.

Я принял планшет. Теперь я не просто смотрел — я командовал. Рабы дышали мне в затылок тяжёлым, кислым потом. Они были крепче и больше меня, но стоило мне поднять голос или указать на станину, как они бросались выполнять. Мой номер на жетоне и серый плащ легионера были для них весомее любых слов.

Вокруг творилось безумие. Осадный парк превратился в один гудящий цех. Кто-то лебёдками втаскивал на платформы баллисты, кто-то пересчитывал ящики с запчастями. Грохот железа о железо перекрывал ругань надсмотрщиков.

В паре десятков шагов от меня группа рабов катила массивную бочку с нефтью для зажигательных снарядов. Бочка была скользкой от просочившегося масла, и рабы хрипели, упираясь в неё изо всех сил.

Хромой, чью руку маги-лекари восстановили так чисто, что не осталось даже шрама, орудовал кнутом. Он вкладывал в каждый удар всю свою злобу за то унижение и ту боль, что я заставил его пережить. Магия убрала переломы, но не убрала жажду мести.

Один из рабов — жилистый старик с выжженным клеймом на шее — споткнулся на неровном камне. Бочка качнулась, едва не придавив идущего рядом. Кнут Хромого тут же змеёй впился ему в бедро, распарывая кожу до мяса. Старик упал на колени, но не закричал.

Я замер на секунду, глядя на эту цену. Раб медленно поднялся, подхватывая край бочки. Но прежде чем двинуться дальше, он бросил на Хромого взгляд. Это не был взгляд забитого животного. Это была холодная, чистая ненависть существа, которому уже нечего терять. Хромой, упиваясь своей восстановленной силой, этого не заметил. Он уже замахивался на следующего.

— Шевелись! Плечо к станине! — я старался, чтобы мой голос звучал максимально сухо и властно, как у тех десятников из поместья.

Двадцать рабов работали на пределе. Двое самых крупных, изрядно заляпанных дёгтем, заводили стопорные рычаги, пока остальные ввосьмером затаскивали на платформу массивную дубовую раму десятой катапульты. Железо лязгало о камень, платформы скрипели под многотонным весом. Я постоянно сверялся с реестром: каждый болт, каждый ящик с запасными жилами должен был лежать строго на своём месте. Ошибка в расчётах сейчас — это смерть расчёта в бою.

Надсмотрщики-демоны медленно прохаживались между погрузочными линиями. Их кнуты лениво похлопывали по голенищам сапог, а тяжёлые взгляды ощупывали каждую спину. Дисциплина в Осадном парке была абсолютной: любой сбой в ритме карался мгновенно.

— Тринадцатая на месте. Затягивайте крепёжные цепи! — я сделал пометку на пергаменте, чувствуя, как грифель карандаша скользит по замасленным пальцам.

Моя группа работала слаженно. Видимо, рабы быстро сообразили, что тихий мальчишка с планшетом, который чётко знает, куда и что ставить, — это гораздо лучше, чем безумный Хромой с его непредсказуемым кнутом. Я не бил их без нужды, но следил за каждым движением. Если цепь лопнет при переходе через портал — отвечать мне.

— Последняя! — выдохнул я, указывая на четырнадцатую станину. — Взяли! Дружней!

Рабы, хрипя и обливаясь потом, рванули дерево вверх. Колёса платформы жалобно взвизгнули, принимая последний груз. Я лично прошёл вдоль всей линии, проверяя стопоры. Металл был холодным, послушным.

— Готово, — я захлопнул планшет. — Сдать инструмент. На выход, в колонну по двое!

В животе заурчало. Запах горячей каши, доносившийся со стороны полевых кухонь, стал почти осязаемым. Работа была сделана, четырнадцать машин стояли в ряд, готовые к прыжку в мир Йору.

Я уже собирался спрыгнуть с платформы, когда краем глаза уловил странное движение в тени у бочек с нефтью. Старый раб, тот самый, с располосованным бедром, двигался неестественно быстро. В его руках свистнул стальной трос — тонкая, злая удавка.

Одним прыжком старик оказался за спиной у Хромого. Секунда — и сталь впилась в горло демона. Хромой даже не успел вскрикнуть. Он только захрипел, судорожно вцепившись пальцами в трос, пытаясь отодрать его от шеи. Его ноги выбивали по камням чечётку, но раб держал намертво, упираясь коленом в поясницу надсмотрщика. Лицо старика было застывшей маской из пепла и ярости.

Без раздумий, почти на инстинктах, я спрыгнул с телеги. Рука сама рванула рукоять из ножен. Новое лезвие вышло с тихим звоном. Я не целился, я просто всадил кинжал в спину рабу, вкладывая в удар весь вес своего тела. Адская сталь вошла в плоть как в масло.

Старик дёрнулся, хватка на тросе ослабла. В ту же секунду над головой свистнул тяжёлый меч надсмотрщика — голова раба покатилась по замасленным камням, а тело рухнуло на Хромого, заливая его кровью.

Хромой оттолкнул труп, сорвал с шеи стальную петлю и повалился на четвереньки, судорожно глотая воздух. Гул в ангаре мгновенно стих. Работа встала. Десятки глаз — и демонов, и рабов — уставились на нас.

— Всем лежать! Лицом в пол! — зарычали караульные, врываясь в зону погрузки. Кнуты заработали наотмашь, вминая рабов в пыль.

Я выдернул кинжал из спины трупа. Лезвие было чистым — адская сталь не держала на себе кровь скота. Просто стряхнул капли на пол.

— Что здесь, бездна вас подери, происходит?! — Интендант Чрева вломился в круг света, едва не наступив на отсечённую голову. Его трясло от ярости. — Почему встала погрузка?!

Хромой поднялся, держась за разодранное горло. Его лицо было багровым, глаза выкатились.

— Бунт! — голос Интенданта Чрева хлестнул по тишине ангара сильнее кнута. — В расход! Всех рабов, кто работал в этом секторе — под пресс! Если эти твари поймут, что демона убить так просто, мы до портала не дойдём, как получим восстание рабов.

Сбежалось ещё с десяток надсмотрщиков. Две сотни рабов, хрипя от ударов и рывков цепей, были мгновенно выведены из ангара. Я не видел самой казни, но в Легионе зачистка — это технический процесс: я знал, что в живых не останется никого.

Пока рабов уводили, Интендант продолжал разбор, словно и не было никакого шума. Он подошёл ко мне, протянул руку и молча взял мой кинжал. Повертел в толстых пальцах, проверяя заточку.

— Твоё имя, малец? И откуда ты в моём Парке?

— Инженер Мел, — я выпрямился. — Прибыл из Дома Чёрного Пламени в обмен на арбалеты.

— Значит, арбалеты были уплачены не зря, — Интендант хмыкнул, пробуя ногтем остроту кромки. — Хорошая сталь. Настоящая, адская.

В этот момент из тени вышел Ург. Интендант кивнул ему, не сводя глаз с моего ножа.

— Ург, твой ученик? Как он в деле? Готов к самостоятельной работе?

— Готов, — коротко бросил ветеран, глядя на меня с какой-то новой, тяжёлой гордостью. — Рука твёрдая. Мозги на месте.

Интендант медленно перевёл взгляд на Хромого. Тот стоял на коленях, судорожно глотая воздух и размазывая кровь по шее. Позорище, а не легионер.

— Ты доставляешь слишком много проблем, — холодно произнёс Интендант, обращаясь к нему. — Сначала рука, теперь это... Ты бракованная деталь, а я не люблю мусор в своём обозе.

Держа мой кинжал, Интендант резким движением схватил Хромого за загривок и одним коротким взмахом перерезал ему горло. Всё произошло так быстро, что Хромой даже не успел выставить руки. Он рухнул в пыль, заливая её чёрной густой кровью.

Интендант брезгливо вытер лезвие о край плаща убитого и протянул нож мне рукоятью вперёд.

— Теперь ты заменишь его. Ты теперь командуешь расчётом первой катапульты. Ург, проследи за приёмом техники.

— Слушаюсь, господин Интендант.

Я принял нож. Он был горячим и тяжёлым, словно впитал в себя не только кровь Хромого, но и саму суть этого момента. Интендант уже отвернулся, раздавая приказы, а я медленно пошёл к платформе, с которой спрыгнул несколько минут назад.

Внутри что-то свербило. Не из-за убийства — к этому в Легионе привыкаешь раньше, чем к запаху палёного мяса. Я чувствовал пустоту там, где за пазухой обычно колола кожу сухая щепа.

Я потянулся рукой к груди — пусто. Видимо, в суматохе схватки, когда я рванулся с телеги, она выскользнула.

Все уже потянулись к выходу, обсуждая кровавую развязку, а я немного задержался, делая вид, что проверяю стопорное кольцо на оси. Нашёл её быстро — она валялась в пыли под самой платформой, прямо в тени массивного колеса. Когда падала, развалилась: голова отлетела в сторону, а туловище треснуло пополам.

Я поднял обломки, собираясь выбросить их в сточный жёлоб, но замер. Внутри полого туловища что-то блеснуло. Это оказался обсидиановый амулет в серебряной оправе. Камень был размером с ноготь, иссиня-чёрный, идеально гладкий, он казался каплей застывшей ночи. На нём едва заметно мерцала вязь рун — таких мелких, что их можно было принять за случайные царапины.

Значит, эта копеечная игрушка, найденная в мусоре у портала, была лишь футляром. Скорее всего, кто-то из тех бесчисленных рабов, которых тысячами перегоняли через портал в Гнилой Омут, спрятал в дереве то, что было для него дороже жизни. Какую-то последнюю ценность, которую нельзя было оставить надсмотрщикам, но и пронести открыто было невозможно. Этот человек, должно быть, сдох где-то в шахтах или на алтарях, а его «лошадка» годами ждала в куче хлама того, кто сумеет её разглядеть.

Я быстро зажал амулет в кулаке. Он был обжигающе холодным, даже сквозь мозоли на ладони я почувствовал, как этот холод проникает под кожу, отзываясь странным звоном в зубах. Обломки лошадки я безжалостно швырнул под колёса — старая оболочка больше не имела значения. Теперь у меня был этот камень, и я кожей чувствовал: он не просто так «нашёл» меня в той куче хлама. Я спрятал камень глубоко в карман. Холод от обсидиана посте-

пенно ушёл, сменившись тяжёлым, тягучим ощущением веса, будто я положил в карман не камешек, а пушечное ядро.

В столовой Осадного парка сегодня было непривычно шумно. Запах густого мясного рагу и свежего хлеба забивал привычную гарь. Гыс, гремя черпаком, щедро плеснул мне в миску двойную порцию. Я ел молча, слушая лязг ложек. Все поглядывали на меня — кто с опаской, кто с кривой усмешкой. Слух о том, что малец «закрыл вопрос» с Хромым, облетел ангары быстрее, чем Интендант успел дописать отчёт. Еда была отличной, но вкус мяса казался мне странным, словно я жевал ту самую адскую сталь моего кинжала.

После ужина казарма встретила нас общим сбором. Сержант стоял в центре, широко расставив ноги. Его взгляд сверлил молодняк.

— Вольно, псы! — рявкнул он, и гул мгновенно стих. — Сегодня вы видели, как дохнут ветераны. Хромой забыл первое правило: раб — это не деталь, это затаившаяся тварь. Он подставил Легион, он стоил нам двух сотен рабочих рук перед самым походом. Его смерть — это не трагедия, это списание брака. Усвойте это. Спиной не поворачиваться, в глаза не смотреть. Кнут — ваш единственный язык с этим мясом.

Он сделал паузу, проходясь вдоль строя.

— Завтра начинаем грузить основной боезапас. Мир Йору — это не прогулка в Омуте. Там железный лес, там пауки, которые плетут сети из хитина. Для них вы — просто корм в консервной банке доспеха. Легиону нужны ресурсы этого мира, и мы их возьмём. Огонь и сталь — вот что они понимают.

Сержант остановился прямо напротив меня.

— Мел. Ты сегодня не зассал и сработал на опережение. Командование не любит долгих раздумий. Завтра утром Маг нанесёт тебе клеймо. Ты заслужил право называться воином Восьмого Легиона досрочно.

Ветераны зашумели, Ург коротко хлопнул меня по плечу — это было весомее любой медали.

— Может, помянем Хромого? — подал я голос, проверяя реакцию.

— Много чести, — промурчал Ол со своей нары. — Сдох как дурак, подведя всех нас. Забудь его.

В эту ночь я впервые лёг на койку в крыле ветеранов. Ург уже храпел рядом. Достав обсидиановый камешек, я продел сквозь отверстие в оправе камня тонкую кожаную жилу и повесил на шею. Он сразу прилип к груди, став ледяным. Завтра будет клеймо. Завтра я окончательно стану частью этого железного зверя под названием Легион.

Второй день сборов. В Парке стоял рабочий гул: рабы под присмотром десятников затаскивали на платформы разобранные станины, укладывали короба с коваными болтами и крепили бочки с дёгтем. Все механизмы были в идеальном порядке — недавние стрельбища это подтвердили. Оставалось только распределить груз.

Маг-артефактор нашёл меня, когда я сверял клейма на деталях своей первой катапульты. Сухой, высокий старик в робе, пропахшей пылью, подошёл без предупреждения. Сержант, стоявший неподалёку, просто кивнул в мою сторону.

— Мел. Плечо, — бросил маг.

Ург, проверявший укладку рычагов на соседней платформе, на секунду замер. Маг коснулся костяным жезлом моей левой руки. Холод прошил мышцы. Ткань робы задымилась, и прямо на ней проступил тёмный знак — змея, свернувшаяся восьмёркой. Запахло озоном. Маг коротко выдохнул, фиксируя печать.

— Принят, — сказал он и пошёл дальше вдоль платформ.

Клеймо на плече стало тяжёлым, превратившись в глубокий, ровный шрам. Теперь я был не просто инженером, а частью системы Легиона.

Весь остаток дня и следующий мы провели, забивая платформы под завязку. Плечо ныло, но я не обращал внимания. Парк был готов к прыжку.

Вечером в казарме было непривычно тихо. Ветераны сидели на нарах, проверяя личное оружие. Ург молча точил свой тесак.

— В землях Йору деревья из металла, — сказал он, не поднимая глаз. — А пауки нападают только сверху. Смотри в кроны, Мел. Там всё затянуто паутиной. Если она дрожит — значит, за тобой пришли.

Крик сержанта разорвал предрассветную тишину, вырывая нас из тяжёлого сна. В Парке уже вовсю гремели цепи и раздавались резкие приказы надсмотрщиков.

— Мел, шевелись! — прошипел Ург, толкая меня в плечо. — Если зазеваешься, ветераны разберут всех рабов, а тебе останутся одни задохлики и калеки. С ними ты свою платформу и до портала сам тащить будешь.

Я вскочил, на ходу затягивая ремни амуниции. Снаружи, под тусклыми магическими фонарями, уже выстроилась серая масса рабов. Надсмотрщик лениво щёлкнул кнутом в воздухе, указывая на толпу.

— Выбирай свой десяток, малец. Да порезче!

Вокруг уже вовсю шла суета. Ветераны деловито прохаживались вдоль строя, заглядывая рабам в зубы и оценивая ширину плеч. Я бросился в гущу.

— Ты, ты и вон тот! — я тыкал пальцем в самых крепких.

Один из выбранных оказался действительно здоровяком — его шея была толщиной с бревно. Но когда я перешёл к середине строя, мой взгляд наткнулся на него. Мальчишка. Мой ровесник, может, чуть младше. Его умоляющий взгляд — испуганный, но с проблеском надежды — ударил по мне сильнее кнута. Месяц назад я сам стоял вот так, надеясь, что меня не отправят в расход.

— Ладно... и этот, — я дёрнул его за плечо. — В строй.

Десяток был набран. Через полчаса мне выдали сухой паёк на два дня — и на меня, и на это «мясо». Уложив короба на платформу катапульты, я занял своё место.

Осадный парк пришёл в движение. Впереди, высекая искры из камня, гарцевал на чёрном как ночь Кошмаре Мастер Механизмов. Его линза горела багровым, оглядывая вереницу машин.

— Пошли! Упирайся, скоты! — сержанты заголосили, перекрывая лязг железа.

Рабы навалились на лямки, и моя платформа медленно покатилась следом за остальными. Вереница осадных орудий, окутанная пылью и запахом дёгтя, двинулась к точке сбора Восьмого Легиона.

Мимо колонны пронёсся отряд кавалерии. Всеобщая суета поглотила лагерь Восьмого Легиона.

Я смотрел, как мимо нас прогоняют колонны «ресурса» — тех самых рабов, которых мы отбирали только что. Они шли, закованные в общие цепи по пятьдесят человек. Я насчитал шесть сотен единиц.

Мастер Механизмов замер на мгновение и поднял руку. Колонна остановилась почти мгновенно. Перед нами располагался центральный плац. Легион строился. Железные Владыки выводили свои когорты — шесть тысяч демонов в чёрной стали, чьи щиты создавали ровную, непроницаемую стену. Кавалерия Кошмаров гарцевала на флангах, и воздух над ними дрожал от серного испарения. Сверху, на обзорных балконах, Архидемон-Наблюдатель координировал этот хаос.

Это был парад смерти, но в нём была жуткая, завораживающая красота. Никто не кричал, не было лишней суеты. Каждый занимал свой пазл. Маги-портальщики в лазурных плащах уже начали ритуал, и в центре воронки базальта снова возникло то самое белое холодное свечение.

— Мел, не спать! — Ург пнул колесо платформы. — Проверяй стопорные кольца! Если в мире Йору у тебя сорвёт рычаг, Падший не посмотрит, что ты грамотный. Он просто скормит тебя гончим.

Я нырнул под станину, проверяя крепление груза. Вкус меди во рту стал постоянным. Мы были готовы к прыжку. Весь Восьмой Легион Гаапа замер, превратившись в один натянутый нерв, готовый разрядиться в мир Йору.

— Готов, Ург, — выдохнул я, проверяя последнюю гайку.

— Тогда молись своим богам, Мел. Если они ещё помнят твоё имя.

Глава 4

Прыжок в Йору не был похож на первый переход. Теперь мы были частью единого тела — двенадцатитысячного железного клина. Когда портал раскрылся, звук был такой, будто само небо треснуло по швам.

Нас втянуло. В этот раз не было «вывернутой кожи». Было ощущение, что кости превратились в жидкий свинец, а мысли выжгло белым шумом. Я чувствовал, как вибрирует станина катапульты под моими пальцами, и молился той самой последней гайке. Если её срежет давлением перехода, рычаг освободится и разнесёт телегу вместе со мной ещё до того, как мы увидим врага.

Вспышка. Тишина. И резкий, тошнотворный запах гнилой листвы и аммиака.

Мы вылетели на ту сторону. Телега подпрыгнула на кочках, суставы платформы взвизгнули, но металл выдержал.

Я открыл глаза и захлебнулся воздухом. Небо мира Йору было ядовито-зелёным, затянутым липкой, серой дымкой. Мы оказались на равнине, а прямо перед нами возвышался гигантский лес из чёрных деревьев-игл, окутанных густой паутиной.

— Живой? — Ург уже стоял на ногах, выхватывая тесак. — К машинам!

Он не успел договорить. Сверху, с чёрных игл, посыпался град. Это не были стрелы. На щиты легионеров обрушились существа размером с собаку — многоглазые, покрытые жёстким хитином. Первый звук мира Йору был не криком, а сухим, дробным щёлканьем тысяч челюстей.

— Осадному парку укрыться под платформами! — взревел Мастер Механизмов где-то впереди. — Центурии с магами сейчас очистят территорию. Никому не высовываться.

Я пригнулся, вжимаясь спиной в холодное колесо. Под платформой было тесно, и от рабов воняло потом. Мой десяток окончательно потерял человеческий облик. Они сбились в плотный, дрожащий ком «мяса». Те, что были покрепче, яростно работали локтями, ввинчиваясь в самую середину, прикрываясь телами сородичей, как живым щитом. Тех, кто послабее — включая того мальчишку — выталкивали наружу, под самые края платформы.

Я сжал рукоять кинжала так, что пальцы онемели. В полуметре над моей головой по настилу платформы барабанили сотни когтей. Звук напоминал град по железной крыше, только этот град был живым и голодным.

— Сидеть! Не рыпаться! — прошипел я, когда один из рабов, обезумев от страха, попытался вырваться из-под прикрытия и вылезти.

— Сожрут живьём, — выдавил я сквозь зубы.

Все закончилось так же быстро, как и началось. Визг, щёлканье и хаос первых минут боя схлопнулись, стоило Падшему просто поднять руку. Ослепительная вспышка прочертила кроны «железного леса». Половина тварей превратилась в пепел ещё в воздухе, даже не успев коснуться земли. Остальных деловито дорезали центурии.

Мы вылезли из-под телег, отряхиваясь от пепла и хитиновой крошки. Пересчитались: все живы. Маги действительно знали своё дело, а Падший... Падший просто стоял, как незыблемая скала.

Для армии Гаапа Йору был привычным источником ресурсов. Каждые четыре года один из легионов занимал позицию на узком перешейке между огромным континентом и полуостровом. И пока часть войск в течение нескольких месяцев планомерно зачищала полуостров подчистую, забирая все ресурсы, ингредиенты и рабов, вторая часть держала оборону перешейка от бесчисленных атак с континента.

Конница уже ушла далеко вперёд, проводя зачистку — они работали быстро, загоняя пауков вглубь леса и вылавливая людей, тех, кто ещё сохранил остатки разума.

Вдоль колонны начали гнать толпы «свежего ресурса». Эти рабы были странными: тихие, послушные, с какими-то застывшими, словно восковыми лицами. Паучий яд сделал своё дело — они не бунтовали и не просили пощады. Идеальные живые машины, которые выполняли любой приказ без лишних вопросов.

— Шевелись, Мел! — Ург подтолкнул меня к платформе. — До вечера надо выйти к перешейку. Ночью в этих местах опасно.

Весь день мы шли маршем вдоль кромки Железного Леса. К вечеру мы наконец вышли к морю.

Сплошная, многослойная паутина закрывала узкий перешеек, липкая и серая, как саван. В ней копошились тени, но страха уже не было — только усталость и злость. Маги in лазурных плащах вышли вперёд. Короткие выкрики, вспышки — и вонючая завеса начала плавиться, оседая на камни чёрными хлопьями. Вместе с паутиной догорали и те твари, что не успели убежать. Две центурии выстроились единым строем и двинулись вперёд под прикрытием магов. Падший в окружении шести архиличей парили следом, выискивая тех, кого не брала магия.

— Осадному парку — занять позиции! — проревел Мастер Механизмов. — Всем сержантам и ветеранам проконтролировать наших новичков.

— За мной, Мел! Гони своё мясо! — гаркнул Ург, перекрывая скрежет железа. — На той скале наша позиция.

Он указал тесаком на базальтовый утёс, нависающий над серым саваном паутины.

— Сука, как вспомню, так дрожь пробирает, — прохрипел ветеран, сплюнув в пепел. — Это тут я восемь лет назад руку потерял. Такой же поход был. Давай, шевелись! Баллисты с левой стороны разворачивайте, а катапульты и онагры — тут, на уступе!

Мы поднимались по крутому серпантину. Мой десяток рабов упирался из последних сил, жилы на шеях вздулись от натуги, но они тащили. Они хрипели, упрямо толкая многотонную раму вверх по обледенелому базальту.

Я первый поднялся на вершину уступа и на мгновение замер, оглядывая позицию. Сзади, разбиваясь о чёрные утёсы, глухо плескалось ядовито-зелёное море. Прямо под нами лежал перешеек шириной не более километра — узкая полоса суши, соединяющая полуостров с бескрайним, зловещим континентом. По этому перешейку, словно тяжёлая стальная коса, медленно и неотвратимо двигался наш отряд зачистки.

— Быстрее, Мел! — Ург дёрнул меня за ремень амуниции. — Пока нам везло. Но из глубин материка может вылезти такая тварь, с которой сам Падший в одиночку не справится. Тут бывают чудовища размером с гору. И запомни: чем дольше мы держим оборону на этом пятачке, тем организованнее они будут лезть. Континент не любит, когда у него забирают жратву.

В этот момент на площадке появился сержант. Его сапоги тяжело грохотали по камням.

— Ург! — рявкнул командир. — Ты как самый опытный здесь показываешь новичкам, какие квадраты надо пристрелять. Лично отвечаешь головой за каждый промах.

Сержант резко повернулся ко мне, припечатав тяжёлым взглядом: — Мел! Собирай своё орудие. Настройку стопоров проверить лично. Палатку свою ставь прямо возле неё. От онагра дальше десяти метров теперь не отходишь от слова «никогда». Если услышишь рог — бегом на позицию. Рабов натренируй так, чтобы с закрытыми глазами, в полной темноте, по одному твоему щелчку взводили лебёдку и подавали снаряд. Ошибёшься в координатах — и твой камень ляжет на головы наших пехотинцев внизу.

— Слушаюсь, — ответил я.

Когда сержант побежал дальше вдоль батареи, Ург глянул с обрыва вниз, на километровый перешеек.

— Смотри туда, Мел. Вон те три обгорелых железных ствола. Это ровно триста пятьдесят. Наш сектор. Наводи на них.

Мой десяток рабов навалился на вороты. Закреплённые в пазах становые жилы онагра натягивались с тяжёлым, вибрирующим гулом. Я выставил прицельную планку, совмещая кованый зазор с чёрными иглами деревьев. Пальцы в запёкшемся дёгте привычно замеряли натяг.

— Назад! — гаркнул я пацану-рабу, который суетился у лотка. — Не стой под рычагом!

Пальцы зафиксировали прицел. Никаких пробных выстрелов — внизу, прямо на перешейке, сейчас шла планомерная работа, и подставлять своих под базальтовый валун никто не собирался.

— Давай, Мел, фиксируй раму! — Ург навалился плечом на упор, помогая забить крепёжный штырь в базальт. — Главное — намертво привязать орудие к камню. Насухую, без единого люфта.

Слева, на скале, баллисты уже стояли в ряд, задрав стальные носы в сторону материка. Внизу, прямо под нашим уступом, расчёты сорока мангонелей выкатывали свои орудия на позиции, намертво блокируя колёса стопорами. Они готовились к моменту, когда зачистка завершится и континент ответит ответным ударом.

— На сегодня всё, Мел, — сержант снова появился на уступе, на ходу проверяя натяжение жил на третьем онагре. — Позиция принята. Палатку твою — вон в ту нишу под скалой поставишь. Повторяю: от орудия не отходить. Рабам выдать по половине нормы. Сейчас подойдёт кузнец и прикует их на цепь к станине на ночь.

Внизу, на километровом перешейке, вовсю горела паутина. Огонь магов пожирал серый саван, превращая каменистую землю в абсолютно выжженное, чёрное поле. Две центурии пехоты методично шли цепью за магами, а за нашими спинами, на каменистом плато, с каждым часом вырастал огромный палаточный лагерь Восьмого Легиона.

Портальщики из числа людей-ренегатов уже развернули стационарные порталы. Их холодное белое гудение перекрывало рокот прибоя. Первые партии «свежего ресурса» — тех самых тихих, восковых рабов, согнанных конницей, — уже уходили длинными серыми вереницами сквозь марево порталов прямиком в Преисподнюю. Легион работал как огромный, идеально отлаженный механизм, где у каждого была своя чёткая задача.

Рядом с моим онагром, прямо на краю правой возвышенности, развернули свой пост наблюдатели из разведки. Инкубы и тени из подразделения Матриарха выставили свои приборы, вглядываясь вглубь затянутого дымом континента. Штаб самого Падшего расположился на высшей точке — на левой скале, чуть позади полусотни тяжёлых баллист. Оттуда весь театр будущих военных действий просматривался до самого горизонта.

Чуть дальше от огневых позиций, у самых порталов, кипела строительная работа. Рабы из Обоза под присмотром демонов-карателей и Главного Бичевателя спешно возводили из привозного бруса временные загоны для нового ресурса. Кнуты надсмотрщиков лениво, но регулярно взлетали над толпой, поддерживая жёсткий ритм работы. Огромный лагерь разворачивался по всем правилам военной науки Легиона, превращая дикий перешеек Йору в неприступную цитадель.

Я вбил последний колышек своей палатки ровно в пяти метров от рамы четвёртого онагра, как приказывал сержант, и сел на ящик с инструментами. Мой десяток рабов уже разгрузил две телеги с бочками адского огня и был прикован цепями к станине на ночь. Здоровяк угрюмо жевал выданный сухой паёк, а испуганный малец прижался к деревянному колесу, не сводя глаз с горящей внизу паутины.

Ург вытащил из-за пояса засаленный наждак и принялся методично править кромку своего тяжёлого тесака. Шуршание камня о металл было единственным живым звуком на нашем уступе.

— Ложись спать, Мел, — не поднимая головы, прохрипел он. — Первая смена моя. До полуночи я посторожу твоё мясо и наши орудия. А вот потом поменяемся. Не выспишься сейчас — завтра на пристрелке пропустишь команду сержанта и спустишь рычаг себе на башку.

Я кивнул, убирая планшет в заплечный мешок. С клейма на плече наконец сошёл жар, оставив лишь сухую, стянутую корку. Я забрался в тесную нишу под скалой, где стояла палатка, и лёг на жёсткую походную циновку. Спать не хотелось. Сквозь тонкую ткань я слышал, как ворочается на цепи мой десяток, как гудят порталы в тылу и как мерно точит стальУрг. Мы заперли перешеек Йору, но материк впереди затих слишком подозрительно.

Холодный толчок в плечо вырвал меня из липкого полусна. Я мгновенно сел, рука сама нащупала рукоять кинжала под циновкой.

— Твоя смена, Мел, — прошепталУрг, его силуэт едва угадывался в темноте палатки. — На часах глухая полночь. Туман приполз с континента. Ни черта не видно дальше пяти шагов. Глаз не смыкай. Инкубы на посту совсем затихли, только приборами своими щёлкают. И за мясом следи. — Он показал в сторону рабов.

Я молча кивнул, натянул плащ и выбрался наружу.

Холод Йору сразу забрался под одежду. Воздух стал плотным. Батарея из восьми онагров замерла в темноте, похожая на выводок спящих чёрных чудовищ. Слева, на скале, туман полностью сожрал силуэты пятидесяти баллист, но оттуда, из штаба Падшего, доносился едва уловимый синеватый отсвет магических ламп.

Я подошёл к своему онагру. Мой десяток рабов спал, сбившись в кучу прямо на каменной крошке под станиной. Цепь, прикованная кузнецом к лафету, тихо звенела, когда кто-то из них вздрагивал во сне.

Только один, тот самый испуганный малец сидел, привалившись спиной к тяжёлому деревянному колесу, и смотрел на меня огромными белыми глазами. Его колотила крупная дрожь от ночной сырости, а тонкие пальцы судорожно сжимали тягловый ремень, словно это была единственная вещь, связывающая его с жизнью.

Рядом, в пяти шагах на самом краю уступа, пост разведки работал на пределе. Двое инкубов замерли над своими медными дальномерами. Один из них то и дело прикладывал ладонь к уху, вслушиваясь в мёртвую тишину выжженного перешейка внизу.

Я прислонился к станине орудия, положив ладонь на холодное дерево рычага, и приготовился ждать. До рассвета оставалось ещё несколько часов, и эта тишина со стороны континента давила на барабанные перепонки сильнее, чем дневной грохот Легиона.

— Дяденька, а почему ты демонам служишь?

Мальчишка-раб смотрел на меня снизу вверх, вжавшись в колесо онагра. Я медленно перевёл взгляд на пост разведки. Инкубы на краю обрыва даже не повернули голов, полностью поглощённые своими медными дальномерами в тумане.

— Чтобы не сдохнуть, — тихо ответил я, не поворачивая головы. — И чтобы не стоять на коленях там, под лафетом.

Мальчишка сжался ещё сильнее, втянув голову в плечи. Его зубы застучали от сырости и страха. Я знал, что звучу жестоко. Месяц назад я сам возненавидел бы себя за эти слова. Но сейчас во мне говорил серый плащ и выжженное клеймо на левом плече. В Легионе жалость — это дефект сборки. Брак.

Обсидиан на кожаной жиле внезапно налился обжигающим, ледяным холодом. Этот холод не просто коснулся кожи — он вонзился под рёбра, прошёл по венам и ударил в голову. В глазах на секунду потемнело. Кислотно-аммиачный запах мира Йору исчез.

Вместо него я почувствовал вкус сухой столярной стружки и старого клея. Но за этим домашним запахом шло что-то ещё. Далёкий, многоголосый, ментальный скрежет.

Я замер, прижав ладонь к груди. Амулет вибрировал с такой частотой, что у меня заныли корни зубов. Через эту вибрацию я вдруг «увидел» перешеек внизу. Не глазами — туман всё

ещё стоял мёртвой белой стеной. Я почувствовал его как гигантскую натянутую ткань. И по этой ткани, на рубеже трёхсот пятидесяти метров, прямо у тех трёх обгорелых стволов, которые указал Ург, кто-то полз.

Их были тысячи. Хитиновые лапы бесшумно перебирали по выжженному базальту, обходя позиции нашей пехоты с фланга, по самой кромке ядовито-зелёного моря. Они шли в абсолютной тишине, маскируясь в тумане от приборов инкубов.

Я резко обернулся на пост разведки.

Двое инкубов все так же неподвижно сидели у медных дальномеров. Один лениво крутил колесо настройки. Они ничего не видели.

Если я промолчу и дождусь рога штаба, этот вал хитина выйдет из тумана прямо под нашим уступом, сомнёт мангонели и пехоту внизу. Если я подниму тревогу сейчас, без приказа сержанта, и ошибусь — меня высекут до костей или прикуют к оси вместо колеса за панику.

Пальцы сжали рукоять ворота первого онагра. Выбор нужно было делать сейчас.

— Встать! — рявкнул я, пнув здоровяка-раба по ноге. — Встать, скоты! К вороту! Взводи рычаг!

Цепь бешено зазвенела. Рабы, вырванные из сна моим криком, заметались. Здоровяк спросонья ухватился за рукоять лебёдки.

— Дяденька?.. — пискнул малец, отпрянув от колеса.

— К лотку! — заорал я на него, теряя остатки хладнокровия. — Неси снаряд, быстро! Свинцовый буфер на балку-стопор! Живо!

Инкубы на краю обрыва наконец обернулись. Один из них удивлённо вскинул брови, отрываясь от дальномера.

— Эй, инженер, ты чего там возишься? — крикнул он, лениво поднимаясь. — Команды к бою не было. А ну уйми своё мясо, пока сержант не пришел.

Амулет на моей шее задрожал так, что кожа под ним начала неметь. Они были уже ближе. Триста тридцать метров. Триста двадцатый.

— Мел! — из палатки выскочил заспанный Ург с тесаком в руке. — Что за кипиш?

Я не ответил. Я выставил прицельную планку малого онагра ровно по памяти, совмещая зазор с невидимыми в тумане обгорелыми иглами деревьев. Рука легла на спусковой рычаг.

Камень на груди обжёг рёбра в последний раз, словно отдавая команду.

— Огонь! — крикнул я сам себе и рванул рычаг.

Глава 5

Бочка с адским огнём пронеслась с визгом по ночному небу и смачно плюхнулась ровно между тремя обгорелыми стволами. От удара жидкость вспыхнула, осветив перешеек. Вопль горящих пауков разнёсся на всю округу.

В ту же секунду тишину над перешейком разорвал басовый, протяжный рёв главного сигнального рога со скалы штаба. За ним, захлёбываясь, забил набат на посту инкубов. Туман внизу окрасился в ядовито-багровый цвет — моя зажигательная смесь вскрыла авангард, и теперь было видно, как по выжженной земле, давя обгорелые туши сородичей, прёт сплошной хитиновый вал.

— К орудиям! — взревел Ург, мгновенно прыгая к лебёдке. — Мел, сучий ты потрох, откуда узнал?! Факел им в дышло, они же в мёртвой зоне шли!

Весь базальтовый утёс ожил за секунду. Слева с сухим, металлическим щёлканьем начали одна за другой распрямляться стальные дуги тяжёлых баллист. Огромные кованые стрелы с воем уходили в туман, пробивая хитиновые панцири сразу по три штуки насквозь. Соседние онагры нашего взвода заскрипели воротами.

— Взводи! — скомандовал я своему десятку.

Здоровяк-раб, оценив масштаб катастрофы внизу, упёрся ногами в камни и с диким хрипом крутил рукоять, ломая ногти. Цепь звенела. Рычаг онагра медленно, неохотно шёл вниз, сжимая мощный горизонтальный пучок жил в раме.

Я глянул на мальчишку. Тот лежал, вжавшись в землю рядом с лотком, но его руки обнимали следующую бочку с адским огнём. На его лице, перемазанном гарью и пеплом, больше не было умоляющего взгляда. Была та самая тупая, сосредоточенная покорность Легиону, которая помогала здесь выживать. Он понял правила.

Амулет на моей шее постепенно остывал. Я снова видел мир обычными глазами. А внизу, на чёрном поле, лазурные плащи магов выстроились в ровную линию. Среди них я отчётливо видел Илу — её жезл испускал ровный, пульсирующий белый свет, формируя направленную стену огня прямо перед наступающими тварями. Они выжигали тех, кого мы прижали к земле своими залпами.

— Стопор! — крикнул Ург, забивая клин. — Готово, Мел! Лови прицел!

Я крутанул колесо настройки на два деления левее. Вал пауков смещался к устью реки.

— Пацан, снаряд на лоток! — крикнул я мальчишке.

Он метнулся вперёд, скользя босыми ногами по базальтовой крошке, и аккуратно уложил тяжёлую бочку точно в пазы пращи. Успел отскочить назад за долю секунды до того, как я опустил руку на рычаг.

— Выстрел! — выдохнул я.

Рычаг с глухим, страшным ударом врубился в свинцовый буфер. Машину подбросило, кованые станины жалобно звякнули. Вторая сфера ушла по идеальной параболе точно в гущу врага.

Сорок тяжёлых мангонелей на нижнем ярусе уступа выдали свой первый сплошной залп. Базальтовый утёс под моими ногами закричал всем своим каменным телом. Сорок щебневых снарядов, каждый весом с доброго быка, ушли по настильной траектории прямо в туман. Звук их попадания на рубеже ста метров был похож на то, как гигантский молот крушит сухие кости. Земля внизу превратилась в суп из базальтовой крошки, серого пепла и чёрной жижи.

И тогда в это месиво пошла пехота.

Тысячи демонов в чёрной стали скатывались по скользкому от паучьего жира серпантину, матерясь и спотыкаясь о трупы, врубились в остатки паучьего вала. Внизу начался тупой, механический забой. Демоны работали оружием как мясники на скотобойне, методично обру-

бая хитиновые лапы и вбивая кованые сапоги в многоглазые морды тварей. Земля мгновенно стала склизкой от чёрной, вонючей крови, в которой легионеры тонули по лодыжку, скользя и падая вместе с ранеными монстрами.

Следом пошли маги.

Двадцать лазурных плащей спустились прямо под нами. Когда они выкинули руки вперёд, «адский огонь» не полетел красивыми шарами — он хлынул сплошной, вонючей струей жидкого горючего дёгтя. Магия буквально варила пауков заживо внутри их собственных панцирей. Запах стоявшей над перешейком вони — смеси аммиака, палёной шерсти и раскалённого человеческого жира из рабских обозов — ударил в нос на нашем уступе так, что мой малец-раб не выдержал, и его вывернуло прямо под колесо онагра.

А над всей этой скотобойней висел Падший.

Он парил над полем боя, лениво поглощая саму жизнь из этого поля смерти. Его доспех из застывшей нефти сочился маслянистой грязью, которая капала вниз, на головы его же солдат. Каждое движение его фиолетового клинка оставляло в воздухе вакуумный рубец. Магия Падшего не выбирала цели — один из его невидимых разрезов прошёл слишком близко к правому флангу нашей пехоты, и десятку легионеров просто срезало верхнюю половину туловищ вместе с доспехами. Система Гаапа не считала потери. Ей нужен был перешеек. Любой ценой.

Когда конница на Кошмарах наконец пошла на зачистку по кромке зелёного моря, копыта их чёрных тварей уже тонули в каше из раздавленных тел. Кони хрипели, их бока лоснились от токсичной пены, а всадники длинными баграми просто сталкивали выживших раненых пауков в воду, где те медленно растворялись в кислоте прибоя. Над перешейком повисла тишина. Воздух остывал, превращая пар от пролитых внутренностей в серую вонючую изморозь.

Я сидел на пустом ящике из-под зажигательных сфер, тупо разглядывая свои ладони. Мышцы спины одеревенели. Малец-раб так и остался лежать у колеса онагра, уткнувшись лицом в грязную солому и судорожно, со свистом дыша через рот. Здоровяк на лебёдке тупо смотрел в одну точку, из-под сорванных ногтей на камни медленно капала тёмная кровь.

Рядом послышался тяжёлый, размеренный хруст каменистой крошки.

На уступ, тяжело дыша, поднялся сержант. Его взгляд скользнул по дымящейся балке-стопору нашего онагра, обшитой свинцом, а затем упёрся прямо в меня. Сержант подошёл вплотную, его тяжёлая кираса пахнула гарью.

— Твоя работа, Мел? — его голос прозвучал тихо, но в нём звенела опасная сталь. — Самовольный спуск рычага. Без команды штаба. Без сигнала рога.

Сержант молча смотрел на меня несколько секунд. Его челюсти сжались. Он глянул вниз, на выжженное чёрное поле, где только что догорели сотни тварей, обошедших пехоту с фланга, а затем снова перевёл взгляд на мой расчёт.Ург отступил на шаг, опустив свой зазубренный тесак. Ветераны замерли. В Легионе все знали: инициатива без приказа — это преступление против системы.

— Твой залп спас фланг, малец. Это факт, — сержант сплюнул чёрную кровь на базальтовую крошку. — Но твоя работа — выполнять приказы, а не думать. Если бы ты ошибся в координатах на волос, твой камень лёг бы на головы центурии внизу. В Легионе Гаапа правит порядок, а не случайные подвиги. Бой окончен. Сдать оружие караульным.

Два тяжёлых пехотинца шагнули из сизого дыма, фиксируя мои руки. Сержант лично сорвал с моего пояса кинжал вместе с ножнами и бросил на ящик.

— К столбу его, — холодно приказал он, поворачиваясь к батарее спиной. — Десять плетей за самоуправство и нарушение субординации на боевой позиции. Высечь перед всем осадным парком. Пусть молодняк запомнит: Легиону нужны исполнительные детали, а не зрячие щенки.

Караульные молча поволокли меня к дубовому столбу для коновязи в центре плато. Рубаху на моей спине грубо рванули, обнажая свежее, ещё горячее клеймо Легиона на левом

плече. Обсидиановый амулет на кожаной жиле вывалился из-под ворота и повис, покачиваясь, прямо перед моими глазами. Камень был абсолютно мёртвым и ледяным. Настоящая, тупая армейская реальность. Никаких чудес.

— Считай, Мел, — прохрипел караульный, затягивая кожаные ремни на моих запястьях. — Громко считай. Ошибёшься — начнём заново.

Первый удар короткого кожаного кнута, вымоченного в солёной воде, пришёлся точно по лопаткам. Спину словно полоснули раскалённым железом. Воздух с сипением вылетел из моих лёгких.

— Один... — выдавил я, кусая губы до крови, чтобы не закричать. Перед глазами поплыли багровые круги.

Второй удар содрал кожу рядом с клеймом. Боль была такой чистой и концентрированной, что я мгновенно забыл и про Дом Чёрного Пламени, и про отца, продавшего меня за арбалеты. Здесь была только эта скала, этот столб и свист кожи в воздухе. К десятому удару я уже не чувствовал ног. Спина превратилась в сплошное сырое месиво. Кожаные ремни расстегнули, и я мешком рухнул в пепел.

Я упёрся дрожащими руками в каменистую крошку. Каждый вздох отзывался адской вспышкой боли в иссечённой спине. Урок был усвоен. Теперь я знал цену инициативы.

Сержант подошёл, швырнул мой кинжал обратно в грязь рядом с моим лицом и сверху бросил замасленный планшет.

— Встать, инженер Мел. В Легионе нет времени отлеживаться. Перешеек заперт. Четыре центурии пехоты, конница и половина лазурных плащей уходят на полуостров. Зачистка и сбор ресурса продлятся три месяца. Наша задача — стоять здесь и держать ворота. Орудие окопать, обложить базальтовыми блоками. Сделай так, чтобы к вечеру твой онагр сидел в камне как родной. Зализывай раны на ходу. Работаем!

Четыре когорты пехоты и тяжёлая конница, разбившись на мобильные центурии, мерным, зловещим маршем уходили вглубь полуострова. С ними шли маги, поделенные между отрядами. Их задача на ближайшие девяносто дней была проста: планомерно расширять зачищенную территорию, выжигать гнёзда, брать ингредиенты и гнать тысячи рабов назад к порталам.

Здесь же, на узком километровом пятачке, остался железный кулак обороны. Штаб Падшего под левой скалой замер, превратившись в постоянную ставку. Сам Повелитель Восьмого Легиона не покидал лагерь.

Мы тоже оставались на месте. Весь осадный парк, включая нашу батарею из восьми онагров, должен был стать несменяемым часовым. Нам предстояло три месяца дышать аммиачной гарью и ждать. Континент впереди затих, но все знали: это временно. Верховная матка сидела слишком глубоко в сердце материка, чтобы добраться до нас быстро, но местная элита — гнездовые вожаки и паучьи шаманы — уже начали собирать свои рассеянные по лесу силы. Новая волна придёт через неделю. Или через две. Когда они накопят мясо для очередного тарана.

Я доковылял до своего онагра, превозмогая боль. Серый плащ легионера пропитался кровью и прилип к ранам.

Здоровяк-раб и малец сидели у колеса, молча наблюдая за моим приближением. В глазах пацана читалось удивление от того, что командира, который только что спас их всех, система отблагодарила солёной кожей кнута.

— Чего уставились? — сипло прохрипел я, упираясь ладонью в тяжёлую станину. — Слышали приказ сержанта? Ург, где брать инструмент? Нам нужно вгрызаться в этот базальт. Блоки таскать вон от того утёса. До полуночи онагр должен стоять в капонире.

Ург поднялся с ящика, убирая наждак, и хмуро посмотрел на мою изорванную спину.

— Нормально держишься, Мел. По-легионерски, — буркнул он, вытаскивая из-под лафета две тяжёлые железные кирки. — Сержант прав: порядок выше подвига. Запомни это на

все три месяца, что мы тут проторчим. На перешейке выживает не тот, кто громче всех орёт, а тот, кто глубже закопался. Выдай мясу кирки. За дело.

Вся следующая неделя превратилась в кошмар. Злость и унижение от солёного кнута сержанта не испарились — они требовали выхода, и я выместил их на своём десятке. Я муштровал их до кровавого пота, до судорог в мышцах. Мой метод был прост: безжалостный удар плетью за малейшую заминку и двойная пайка за безупречно выполненный норматив.

Командиры соседних расчётов, проходя мимо нашего уступа, поглядывали на моих... кого? Рабов? Подчиненных? Скорее, на мои ожившие шестерёнки. В их глазах мелькало даже некое подобие сочувствия к этому орущему, хрипящему от натуги десятку. Но мне было плевать. Зато теперь по одному моему щелчку Здоровяк прыгал к вороту, а малец за секунду укладывал стопорный клин, не глядя и в полной темноте. Каждый кованый болт, каждая зажигательная сфера лежали в гнёздах строго по номерам реестра. Наш онагр теперь не просто стоял на скале — мы намертво вмуровали его станину в тяжёлые базальтовые блоки капонира. Он стал частью самой горы.

Новых атак со стороны континента не было. Зато лорд Гаап прислал на перешеек мощное подкрепление — пять тысяч бойцов поддержки. Это была вспомогательная пехота, предназначенная для охраны растянувшихся обозов и помощи в сборе сырья. Следом прибыли две сотни алхимиков Чрева. За нашими позициями они развернули целую дымящуюся фабрику: огромные медные чаны, перегонные кубы и прессы. Теперь рабы не просто таскали коконы и трупы тварей — алхимики перерабатывали хитин, токсичные железы и концентрированный яд прямо на месте. Через белое марево стационарных порталов в Преисподнюю шли уже готовые, запечатанные бочки драгоценного субстрата. Отчёты интендантов закрывались с опережением графика. Легион Гаапа продолжал жатву. Мир Йору пустел, превращаясь в тихую, выпотрошенную оболочку, которая будет зарастать новой паутиной следующие четыре года.

Илу я больше не видел. Её лазурный плащ затерялся где-то в глубине полуострова, где передовые центурии планомерно выжигали паучьи гнёзда.

В один из вечеров, когда над ядовито-зелёным морем повис удушливый, пахнущий кислотой штиль, Ург отложил свой вечный наждак. Он долго смотрел на свою культю, тупо потирая потемневшую кожу над локтем, а потом глухо заговорил:

— Восемь лет назад я был таким же мясом, Мел. Обычный щитоносец в восьмой центурии линейной пехоты. Мы зачищали сектор у самого подножия Железного Леса. Командование погнало нас внутрь гнезда — старой, заброшенной выработки, где окопались коконные ткачи. Темнота, хоть глаз выколи, только факелы чадят. Мы шли плотной стеной, щит к щиту. И тут сверху, прямо со стальной иглы, рухнула матка-прядильщица.

Ветеран сипло хмыкнул.

— Она не просто укусила. Её хитиновый жвал пробил мой стальной наруч, как пергаментную бумагу, и вошёл глубоко в предплечье. Было ощущение, что в жилы залили кипящий свинец. Тварь отбросили, но яд... яд у этих сук работает быстрее, чем маг успевает прочесть заклинание очищения. За три секунды кожа на руке почернела и пошла склизкими пузырями, а вены вздулись, став иссиня-чёрными. Некроз пополз к плечу со скоростью бегущего раба. Я понял: ещё минута, и эта дрянь доберётся до сердца. Тогда сержант Гыс — он тогда ещё не командовал кухней, а был старшим в десятке — просто наступил мне сапогом на грудь, выхватил свой тесак и одним ударом отрубил руку по самый сустав. Прямо там, в грязи и паучьем помёте. Потом прижёг культю факелом. Я орал так, что личи в штабе, небось, оглохли.

Ург повернулся ко мне, лицо его в багровых отсветах костров казалось высеченным из камня.

— Зато я выжил. Легион списал меня из пехоты как бракованный штык, но Мастер Механизмов подобрал обрубок и определил в Осадный парк. Сказал, что для наведения баллисты

вторая рука не нужна, нужны мозги и злость. Так что запомни, Мел: в этом мире тебя может спасти только тот, кто готов рубить по живому. Без жалости и без долгих раздумий.

Монолог оборвался на полуслове, его тесак с сухим шорохом покинул ножны.

Я подскочил с ящика и начал оглядываться. Что случилось?

Глава 6

Из резиденции на левой скале вылетела сплошная чёрная тень. Падший и всё руководство Легиона в окружении шести архиличей на огромной скорости поднялись в воздух. Личи кружили вокруг Повелителя, как гигантские костлявые стервятники, их серые саваны развевались, а ладони источали защитные рунические барьеры. Высшее командование штормило. В воздухе развернулась настоящая паника верхушки: Падший резко развернулся к Матриарху суккубов — главе разведки. Его жесты были яростными и рваными. Мы на своём уступе не слышали его голоса, но чётко видели, как он отдаёт приказ.

Но вокруг нашего уступа всё ещё тёк обычный армейский быт. Огромный лагерь Легиона внизу жил по строгому расписанию. На центральном плацу когорты и центурии поддержки проводили изнурительные тренировки, чеканя шаг и выстраивая сплошные стены щитов. Наблюдатели на вышках и скалистых выступах лениво вглядывались в горизонт сквозь дымку. Тысячи рабов под присмотром надсмотрщиков копали глубокие защитные рвы и упрямо вбивали заострённые колья перед массивным земляным валом, который успел вырасти перед нашими позициями за последнюю неделю. Алхимики дымили своими чанами, а обозы монотонно двигались к точкам погрузки. Огромный механизм работал без сбоев.

Лишь белые стационарные порталы в тылу вели себя странно.

Их ровное, ослепительное свечение внезапно померкло, стремительно теряя силу. Вертикальные разломы пространства задрожали, а по краям ткани междумирья с сухим треском побежали фиолетовые искры нестабильности. Пуповина, связывающая нас с домом, истончалась, как прогнивший шёлк.

Глава разведки Легиона мгновенно отделился от свиты патриарха. Сложив латные крылья, он камнем рухнул вниз, прямо к угасающему центральному порталу, и без колебаний прыгнул в фиолетовый нестабильный разлом. Глава разведки уходил в Преисподнюю в последнюю секунду, чтобы выяснить, кто запёр Восьмой Легион в этом мире.

И только тогда над базальтовыми утёсами Йору наконец взвыл рог тревоги. Басовый, захлёбывающийся рёв разорвал тишину, объявляя всеобщую мобилизацию полностью отрезанного от дома Легиона.

Рёв рога ещё не успел затихнуть, когда в небе над ядовито-зелёным морем началось разверзание Ада.

Ткань пространства над самой водой с сухим, оглушительным треском лопнула, словно перетянутый холст. По багровому куполу побежали ломаные чёрные молнии, и прямо над волнами разверзся гигантский фиолетовый разлом. Из его неровных краёв, пульсируя, медленно потекла густая, тёмная субстанция, похожая на запёкшуюся кровь — она капала в море, заставляя воду мгновенно вскипать кислотной пеной. Звуковой ландшафт изменился в одну секунду. Яростный рокот прибоя, крики сержантов внизу и басовый гул штабного рога захлебнулись и полностью утонули в тяжёлом, давящем на перепонки беззвучии. Нас словно опустили в цистерну с ледяным маслом.

А затем пришёл ментальный и физический удар.

Гравитационная волна, рождённая в недрах разлома, с силой сорвавшегося онагра ударила по лагерю. Меня буквально смело с ног. Я рухнул лицом вперёд на жёсткую базальтовую крошку, проехавшись по ней ладонями. Воздух выбило из лёгких, а шрамы на спине прошило такой острой судорогой, что я на мгновение ослеп. Вибрация была такой частоты, что зубы во рту затрещали и заныли до самых корней, а из ушей по подбородку потекло что-то тёплое и липкое. Кровь. Вся базальтовая площадка вокруг нашего орудия непрерывно дрожала, подбрасывая мелкие камешки в воздух.

Я превозмог тошноту, упёрся руками в землю, заставил себя подползти к прицельной планке онагра и замер.

Из кровоточащей раны пространства медленно являлся лорд Астарот.

Камень на моей шее вибрировал, превратившись в кусок могильного льда, а я пошагово, сквозь узкую прорезь прицела, разглядывал Ангела-губителя. Его доспех источал тусклое, мёртвое сияние, похожее на свет предсмертного затмения Вселенной, когда гаснут последние звёзды. За его спиной медленно расправлялись шесть крыльев. Это была жуткая, макабрическая конструкция, собранная из сломанного, ржавого оружия и тысяч вплавленных в металл кричащих душ. Их лица искажались в бесконечной агонии, и я отчётливо, до тошноты услышал этот сухой, шелестящий стон прямо у себя в голове, сквозь звенящую глухоту.

Астарот восседал на ездовом существе — колоссальном драконе, сотканном из чистой, первобытной ярости. Тварь лениво перебирала крыльями в пространстве. Из её пасти вместо пламени валил тяжёлый, сизый дым, который оседал на скалы и перешеек. Этот дым буквально выжигал, всасывал в себя кислород на километры вокруг. Внизу, на плацу, рабы и пехотинцы начали судорожно хватать ртами воздух, заваливаясь на бок и задыхаясь на ровном месте.

В правой руке Ангел-губитель сжимал своё оружие — огромную, толстую живую гадюку. Тварь извивалась в его кованой перчатке, широко разевая пасть. И эта гадюка буквально всасывала в себя остатки дневного света и надежды. С каждым её движением багровое небо блёкло, погружая весь перешеек, лагерь Легиона и наши базальтовые утёсы в глубокие, мёртвые сумерки.

Астарот не снизошёл до речей. В мире, где правит чистая сила, никто не тратит время на пафосные монологи — здесь работала схема «сначала стреляй».

Живая гадюка в кулаке Ангела-губителя судорожно выгнулась, её пасть раскрылась неестественно широко, и тварь изрыгнула плотный, ослепительный поток чёрного сияния, который поглощал саму материю.

Я смотрел, как чёрная смерть полосует по нашему плато, и у меня внутри всё заледенело. Это была мгновенная, тотальная аннигиляция тыла. Луч прошёлся прямо по расположению бойцов поддержки и алхимической фабрике. Металл огромных медных чанов и перегонных кубов не просто расплавился — он испарился в воздухе за долю секунды, оставив после себя лишь едкий зелёный пар. Алхимики Чрева вместе со своими рабами и надсмотрщиками даже не успели побежать. Их тела вспыхивали и тут же осыпались горами серого пепла, который порывом ветра разносило по скалам. Склады Чрева, которые ещё вчера «пухли от отчётов», а интендант довольно потирал руки, перестали существовать. Всё, что Легион Гаапа строил и копил здесь, превратилось в абсолютно пустое, выжженное базальтовое поле.

Падший попытался держать оборону. Он рванулся навстречу чёрному лучу, его фиолетовый клинок колоссально раздался в размерах, рассекая сумерки. Вокруг него шесть архиличей выкинули вперёд костлявые руки, подпитывая его щит бурлящей, изумрудной некромантией. Зелёное свечение на секунду столкнулось с чёрным сиянием Астарота, и воздух между ними закричал на такой ноте, что у меня из глаз потекли кровавые слёзы.

Но разница в силе была чудовищной. Сначала пришла смерть личей. Живая гадюка Астарота дохнула сильнее, и некротический щит лопнул. Кости архиличей начали взрываться изнутри изумрудным пламенем — их черепа кололись, как гнилые орехи, а остатки серых саванов догорали в воздухе, пока прах падал на плац.

Сразу за ними пришла смерть Падшего. Его колоссальный фиолетовый клинок, казавшийся мне незыблемым символом власти, с сухим хрустом сломался пополам. Обломки магии растворились в воздухе. Чёрный луч ударил Повелителю прямо в грудь. Доспех из застывшей нефти, который до этого бурлил от гнева, начал стремительно плавиться. Падший закричал — этот звук вывернул мне внутренности, — пока его тело текло и оседало на камни, превращаясь в вонючую, дымящуюся лужу дёгтя и мазута. Абсолютный, непререкаемый авторитет

Восьмого Легиона, бог, перед которым шесть тысяч солдат падали ниц, был уничтожен на моих кровоточащих глазах за несколько ударов сердца. Нас оставили без командования, лицом к лицу с Ангелом-губителем.

Вспышка уже было потухшего центрального портала Легиона разорвала сумерки. Угасающий, покрытый фиолетовыми искрами разлом вдруг выгнулся наружу и взорвался ослепительным багровым пламенем.

Из ревущего зева портала, разрывая ткань междумирья, хлынула титаническая туша Лорда Гаапа. Повелитель Чрева лично явился на поле боя. Его исполинское тело, покрытое бронёй из чёрного метеоритного железа, сочилось живой, бурлящей магмой, которая с шипением прожигала базальт. В четырёх руках Архидемон сжимал колоссальный боевой молот, увенчанный пылающим черепом какого-то доисторического монстра. Мощь, исходившая от правителя Чрева, была настолько плотной, что туман вокруг уступа мгновенно испарился. Мы с Ургом на секунду замерли в безумной, отчаянной надежде — если кто и мог остановить Ангела-губителя, так это сам хозяин нашего Дома.

Но дракон Астарота не дал Гаапу даже опустить молот.

Тварь из чистой ярости рванулась вперёд с такой скоростью, что воздух превратился в сплошной вакуумный хлопок. Огромные крылья дракона со свистом рассекли сумерки, и колоссальная туша монстра сбила Лорда Гаапа прямо в полёте. Удар страшной силы вмял Архидемона в базальт центрального плаца. Утёс под нашими ногами содрогнулся, пошли глубокие трещины, а сорок катапульт на нижнем ярусе просто подлетели в воздух и перевернулись, давя собственные расчёты. Пылающий молот Гаапа вылетел из его рук и с глухим рокотом рухнул в ядовито-зелёное море.

Началось absolute, леденящее кровь унижение Божества.

Астарот лениво сошёл с хребта своего дракона на растрескавшийся камень плаца. Его сапог, сотканный из тусклого света предсмертного затмения Вселенной, тяжело наступил на грудь поверженного Гаапа, наглухо прижимая титана к земле. Стальные пальцы Ангела-губителя сомкнулись на горле правителя Чрева. Из пасти Гаапа густыми толчками потекла бесполезная, остывающая магма, плавя камни плаца, но Архидемон был полностью бессилен. Его четыре руки судорожно царапали кованый доспех Астарота, не оставляя на нём даже следа. Это зрелище вызвало полный, парализующий шок у всего Восьмого Легиона — тысячи закованных в чёрную сталь солдат опустили щиты, не в силах поверить, что их верховный бог раздавлен, как коконный ткач.

И тогда пришёл Голос.

Астарот не открывал рта, но его ультиматум начал транслироваться через крылья из кричащих душ прямо в головы всех выживших на этом перешейке. Стон тысяч замученных пленников превратился в холодные, ровные слова, от которых сознание едва не разорвалось на части: — Ты не подал прошение о вторжении в этот мир, Гаап. И я, как твой суверен, расцениваю этот поход как военный мятеж. Люцифер заключил перемирие с верховной матерью пауков и крайне недоволен твоей самодеятельностью.

Голос сделал паузу, заставив мои зубы снова затрещать от частоты ментальной вибрации.

— Мои требования просты. Полная сдача мира Йору под мою юрисдикцию. И дань в сто тысяч отборных душ каждый лунный цикл в кузни Бездны. В противном случае я выверну твою сущность наизнанку прямо сквозь твою пасть, заверну в неё остатки твоих генералов и оставлю этот хнычущий комок гнить под солнцем Йору. Выбирай, червь. Время пошло.

На нашем уступе повисло мёртвое, удушливое затишье. На батарее Мела больше не было слышно ни звука. Ург, мертвенно побелевший, судорожно сжимал свой зазубренный тесак единственной рукой — старый солдат впервые в жизни понимал, что вся их хваленая армия, все их баллисты, онагры и клейма воинов — абсолютное ничто против этой первобытной,

космической силы. Рядом, под лафетом, дрожал малец-раб, уткнувшись лицом в пепел и беззвучно молясь о быстрой смерти.

Лорд Гаап подчинился. В Преисподней нет места гордости, когда горло зажато стальными пальцами суверена.

Правитель Чрева медленно расслабил свои четыре огромные руки, прекращая бесполезную борьбу. Астарот брезгливо убрал сапог с его груди и отступил на шаг, позволяя поверженному титану подняться. Титаническая туша Гаапа, покрытая копотью и остывающей, темнеющей магмой, тяжело зашевелилась.

Методично, с грохотом, от которого снова вздрогнул наш базальтовый уступ, владыка Чрева опустился на оба колена прямо в пепел и залитый чёрной кровью камень плаца. Четыре его руки упёрлись в землю перед сапогами Ангела-губителя, а массивная рогатая голова склонилась так низко, что коснулась растрескавшейся брусчатки. Это был древний ритуал покорности Бездны — полное признание своего ничтожества перед высшей силой.

Уцелевшие на плацу пехотинцы наблюдали за тем, как их верховный бог преклоняет колени. Отрезанная, обескровленная армия замерла, покорно принимая условия ультиматума.

Астарот даже не взглянул на распростёртого у его ног правителя. Ангел-губитель повернулся спиной к поверженному Гаапу и легко взлетел на хребет своего дракона. Живая гадюка в его руке совершила последний ленивый оборот, всосав остатки багрового марева, и мёртвые сумерки окончательно накрыли перешеек Йору.

Дракон взмахнул крыльями, выжигая остатки кислорода над плато, и устремился вверх, увлекая Астарота назад, в кровоточащий разлом неба. Кровавая рана пространства над морем начала медленно, с тяжёлым хрустом стягиваться. Фиолетовое беззвучие лопнуло.

В уши разом вернулся оглушительный рокот ядовито-зелёного прибоя, треск догорающей на перешейке паутины и тяжёлое, хриплое дыхание тысяч солдат внизу.

Разлом в небе захлопнулся, оставив после себя лишь рваный шрам из чёрных туч. Астарот ушёл, забрав с собой половину нашей армии, склады и саму надежду на лёгкую победу.

Лорд Гаап медленно поднимался с колен посреди выжженного плаца, и его титаническая фигура в сумерках больше не казалась нам незыблемой скалой. Куски метеоритного железа на его плечах скрежетали с сухим, надсадным звуком, а остывающая магма капала на камни тусклыми, серыми сгустками. Наш утёс всё ещё содрогался от отголосков титанического удара. Шок был осязаемым — он висел над перешейком Йору как плотный, удушливый туман.

Никто не зашевелился. Легионеры внизу, на плацу, так и стояли с опущенными щитами, тупо глядя на базальт, в который только что вмяли их бога. Великая, непобедимая машина Восьмого Легиона просто отключилась. Система, которая секунду назад казалась безупречным стальным монолитом, полностью онемела от ужаса. Если бы прямо сейчас из леса вылезла хотя бы сотня пауков, нас бы просто забили как скот на бойне — никто бы не поднял меч.

Никакой истерики со стороны божества не последовало. В Преисподней правит прагматизм. Архидемон, правивший Чревом тысячи лет, умел проигрывать так же расчётливо и холодно, как и побеждать.

Он поднял свою массивную голову и посмотрел на шрам из чёрных туч, где только что захлопнулся фиолетовый разлом. В его груди, прямо там, куда наступал сапог Астарота, глубоко внутри чёрного железа всё ещё клокотало и переливалось багровое пламя.

— Я поквитаюсь с тобой, Астарот, — голос Гаапа прозвучал как низкочастотный подземный гул, от которого у меня снова заныли корни зубов, а базальтовый уступ мелко задрожал. — Пускай через многие тысячи лет. Но я стану сильнее. И ты будешь умолять о пощаде, стоя на коленях.

Архидемон медленно, тяжело обвёл взглядом выжженное, пустое плато, усеянное пеплом от алхимической фабрики. Из сотен выживших командиров его взгляд безошибочно вычленил Железного Владыку — огромного четырёхрукого демона в тяжёлых гравированных латах,

который командовал второй центурией линейной пехоты и замер у полуразрушенного бруствера.

— Владыка! — рявкнул Гаап, и этот приказ наконец-то окончательно встряхнул застывший от шока лагерь. — Отправить гонцов вглубь полуострова. Всех отозвать со сбора ресурсов. Зачистку прекратить.

Он резко развернулся в сторону угасающих, нестабильных порталов, которые всё ещё слабо искрили фиолетовым, и сделал один тяжёлый, колоссальный шаг. Ткань пространства вокруг его туши деформировалась.

— Легион возвращается в Омут для доукомплектования, — отрезал Архидемон. — Сворачивайте лагерь. Заберите с собой всё, что успеете. Мы уходим. Даю вам сутки.

С этими словами Лорд Гаап сделал ещё шаг, и его огромный силуэт, окутанный клубами дыма и остывающей магмы, просто шагнул прямо в зев центрального, колеблющегося разлома. Как только багровая туша растворилась в портальном мареве, уступ внизу наконец-то взорвался паническим, судорожным движением.

Я повернулся к своему расчёту. Самый большой раб стоял с абсолютно мутным взглядом, тяжёлые челюсти мелко дрожали, а изо рта густыми каплями капала белая пена. Зрелище, которое только что произошло на плацу, — унижение и падение бога — не прошло для него бесследно. Разум этого раба просто лопнул, как перетянутая жила онагра.

Он с диким криком и воем сделал два яростных шага назад. Тяжёлая цепь, связывающая весь десяток, с жутким лязгом натянулась, и бугай без колебаний прыгнул со скалы прямо в серую дымку обрыва.

Остальные рабы, совершенно не ожидавшие этого безумного рывка, словно кости домино полетели вслед за ним вниз. Их просто сдёрнуло с базальтовых блоков. Цепь натянулась с такой силой, что кованые звенья зазвенели на одной высокой, звенящей ноте, но наш онагра выдержал — мы слишком надёжно заклинили его станину в скале, и металл был достаточно крепок. Из-за края уступа тут же раздался его безумный, захлёбывающийся вой, смешанный с криками остальных бедолаг.

Я подошёл к самому краю капонира и глянул вниз. Зрелище было паршивым. Весь мой десяток гроздью болтался на цепи над каменистой кручей. Бугай дёрнулся, извивался всем своим огромным телом и ревел, пытаясь вырвать прикованную ногу.

Слева раздался сухой щелчок — резкий, короткий «твинг» тетивы арбалета. Один из разведчиков-инкубов на своём посту сделал точный выстрел. Стальной болт со свистом пробил голову крепыша точно над ухом. Вой мгновенно оборвался. Тяжёлая туша обмякла, превратившись в мёртвый груз.

— Шевелитесь, скоты! — гаркнулУрг, хватаясь за звенья у самого стопора.

Мы быстро составили цепочку из рабов других расчётов, прибежавших на шум, уцепились за натянутый металл и дружным рывком вытянули болтающееся мясо обратно на твёрдую землю. Рабы повалились на базальт, судорожно глотая воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.